

ШИРЛИ ДЖЕКСОН

Для поклонников
«Таинственной
истории Билли
Миллигана»

ПТИЧЬЕ ГНЕЗДО

Annotation

Двадцатитрехлетнюю Элизабет Ричмонд ожидала судьба скромной серой мышки: каждый день она отправлялась на работу в канцелярию музея и проводила вечера в компании своей невротичной тети Морген. Но рутинное спокойствие ее жизни внезапно нарушают ужасные мигрени и боли в спине, а затем и странные приступы амнезии. Элизабет начинает ходить к психиатру, и на одном из сеансов доктор Райт, решив применить для лечения гипноз, понимает, что перед ним вовсе не одна девушка, а четыре отдельные саморазрушительные личности...

«Птичье гнездо» – шедевр психологического романа о природе тьмы внутри нас, в котором Джексон одна из первых обратилась к теме расстройства множественной личности, ставшей особенно популярной после выхода в свет «Таинственной истории Билли Миллигана» Дэниела Киза.

-
- [Ширли Джексон](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [1. Элизабет](#)
 - [2. Доктор Райт](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Ширли Джексон

Птичье гнездо

Роман

Стэнли Эдгару Хайману

Shirley Jackson
The Bird's Nest

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств А. М. Heath и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

- © Shirley Jackson, 1954
- © Foreword Kevin Wilson, 2014
- © Перевод. Школа В. Баканова, 2020
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие

Ширли Джексон была и остается одним из авторов, оказавших на меня сильнейшее влияние. Она научила меня принимать мир во всей его причудливости и в то же время оставаться верным своим взглядам, какими бы сложными они ни казались читателю. Лет в десять-двенадцать я впервые прочел «Лотерею», которую до сих пор считаю одной из самых сильных книг в своей жизни, затем были «Вешальщик», «Призрак дома на холме» и более ранние вещи – я следил за каждым словом, написанным Джексон, – и наконец, с большим опозданием, добрался до «Мы всегда жили в замке». Я обращаюсь к Джексон, когда хочу понять тьму, понять, как люди воспринимают зло, или, что еще страшнее, сами творят его. Мир вокруг всегда был для меня чем-то непостижимым, источником постоянного беспокойства, а Джексон показала мне, как можно жить, не рискуя превратиться в параноика. Для меня ее сюжеты были поучительными историями, благодаря которым жизнь становилась простой и понятной. Хотя «Птичье гнездо» Джексон написала в самом начале карьеры, эта книга – наглядный пример того, что так привлекает меня в ее творчестве: Джексон способна создать тихий хаос, который, как бы читатель ни старался, не поддается ни определению, ни пониманию. Мы никогда, понял я из книг Джексон, не сможем объяснить всего, что происходит в мире, и в загадочных, необъяснимых вещах кроется самое интересное.

«Птичье гнездо» начинается описанием музея, давно нуждающегося в ремонте, – здания со «странным наклоном к западу, до того заметным, что становилось не по себе». Когда я перечитывал роман, этот образ сразу напомнил мне две другие выдающиеся работы Джексон, написанные позже, – «Мы всегда жили в замке» и «Призрак дома на холме», где фигурируют зловеющие дома, места, в которых обитают странные, завораживающие персонажи. Через несколько страниц появляется главная героиня – Элизабет Ричмонд, тихая, одинокая девушка, оплакивающая недавно умершую мать, и мы узнаем, что, возможно, «Элизабет вывел из равновесия наклон пола в кабинете» – она работает в канцелярии музея. Кабинет Элизабет

находится на последнем этаже, и, когда в музее начался ремонт, в стене рядом с ее столом проделали дыру. Эта дыра обнажила «скелет здания» и манит девушку, – та испытывает желание «броситься вниз, в первобытные пески, на которых, по всей видимости, стоял музей».

Любителям творчества Джексон знаком подобный прием, и они готовы к тому, что наклонившееся задние постепенно сведет мисс Ричмонд с ума. Тьма возникает, когда выясняется, что героиня получает письма с угрозами, усугубляющие ее головные боли и боли в спине. Все элементы присутствуют, и вот – доказательство таланта Джексон и причина, по которой «Птичье гнездо» остается одним из моих любимых романов, – повествование делает новый, совершенно неожиданный поворот. Внутри Элизабет Ричмонд живут несколько личностей, и одна из них тайком сбегает из дома навстречу сомнительным приключениям. Письма с угрозами – дело рук самой Элизабет. Она говорит, будто ничего не знает о случившемся, но не уверена в своих словах. Мы видим, что странные, завораживающие персонажи обитают не в музее, а в теле Элизабет. И понимаем, о чем на самом деле пишет Джексон: о загадках, что таит в себе каждый из нас, о губительном, незримом саморазрушении.

Мы покидаем музей и попадаем в необыкновенный внутренний мир Элизабет. Роман превращается в исследование душевной болезни, тьмы внутри нас, которую так трудно понять и обуздать. Подобно Констансу из «Мы всегда жили в замке», Элинору из «Призрака дома на холме» и Натали из «Вешальщика», Элизабет – хрупкая, одинокая девушка, но Джексон экспериментирует, являя нам несколько отдельных личностей, каждая из которых по-своему неполноценна. Некоторые главы романа написаны от лица психиатра Элизабет – доктора Райта, не всегда, однако, охотно помогающего девушке, и тети Морген, у которой тоже есть свои секреты, но мои любимые отрывки посвящены тому, что происходит в сознании Элизабет или личности, в данный момент обитающей в ее теле. Джексон всегда с поразительной точностью пишет о хрупкости человеческой психики, и мне, всю сознательную жизнь страдавшему психическим расстройством, кажется, что мало кому из писателей так хорошо известно, на какие злые шутки способен наш разум. Когда Бетси, самая сложная и противоречивая из всех личностей Элизабет, ускользнув от доктора Райта и тети Морген, сбегает в Нью-Йорк в поисках матери, которую

считает живой, повествование становится нервным, напряженным. Мысли Бетси путаются, и читателю трудно понять, что происходит. Мир вокруг теперь представляет для нее опасность, в каждом встречном она видит угрозу, куда бы она ни пришла – перед ней чужое, незнакомое место. Это одни из самых захватывающих и пугающих сцен в прозе Джексона.

Несмотря на то что методы доктора Райта, в первую очередь применение гипноза для лечения расстройства множественной личности, иногда дают результаты, едва ли Джексон хочет сказать, будто ему подвластны бездонные глубины загадочного сознания Элизабет. В поведении доктора есть нечто зловещее, интересным образом контрастирующее с присущей ему самоиронией. Его собственные страхи объясняют ужас, который он испытывает, поняв природу тьмы внутри Элизабет. Доктор – всего лишь укротитель, пытающийся подчинить своей воле человеческую душу, и нетрудно догадаться, что думает Джексон об успехе подобной затеи.

Конец романа сулит главной героине если не счастье, то хотя бы покой, и, тем не менее, это не счастливый конец. Угроза, исходящая от окружающего мира, и, что куда страшнее, опасности, заключенные в нас самих, делают счастье недостижимым. Что бы ни стало потом с Элизабет, читатель сопереживает девушке; ее желания и поступки, даже самые странные, свойственны человеку. Это ответ – и мы находим его не только в «Птичьем гнезде», но и во всех произведениях Джексона – на вопрос, почему так страшно, заглянув в глубь вещей, увидеть тьму и хаос. Мастерство Джексона заставляет нас сперва отпрянуть при виде опасности, а потом подойти ближе и рассмотреть то, чего мы так испугались.

Кевин Уилсон

1. Элизабет

Хотя музей считался в городе оплотом просвещения, фундамент его начал проседать, отчего у здания появился странный наклон к западу, до того заметный, что становилось не по себе, а у дочерей города, неустанно заимствовавших средства на содержание музея, – чувство бесконечного стыда и привычка винить друг друга. Кроме того, это весьма забавляло служащих музея – работу некоторых из них неумолимый наклон пола затронул самым непосредственным образом. Палеонтолог находил очень смешным то, что, накренившись, величественный скелет динозавра будто принял позу зародыша. Нумизмат, чьи экспонаты со звяканьем скатывались в кучу, отмечал, надоедая всем вокруг, что таким образом достигается классическое сопоставительное расположение. Орнитолог и астроном, в чьих областях и без того редко царило равновесие, заявляли, что перепад высот отразится на них, только если будет уклон, как на дороге, позволяющий свести на нет последствия хождения по неровному полу. Так или иначе, хождение для обоих было нехарактерным способом перемещения: одного манил полет, другого – самодостаточное вращение небесных сфер. Высокоученого профессора археологии, который ходил по музейным коридорам, не замечая наклона, видели с надеждой разглядывающим просевший фундамент. Строитель и архитектор, а также сварливые дочери города пытались списать все на некачественные материалы и непомерную тяжесть некоторых древностей в собрании музея. В местной газете появилась передовица с критикой руководства, допустившего, чтобы обломки метеорита, коллекцию минералов и целый арсенал времен Гражданской войны, обнаруженный неподалеку от города и включавший две пушки, разместили в левом крыле здания. В статье справедливо отмечалось, что, если бы в левом крыле выставляли образцы знаменитых подписей и исторические костюмы, здание не просело бы, по крайней мере при жизни благодетелей музея. Поскольку местную газету, как все современное и недолговечное, не жаловали ниже третьего этажа музея, где располагалась канцелярия, экспозиции оставили на прежних местах. В канцелярии же каждый день читали комиксы и внимательно

просматривали гороскоп на первой странице в надежде узнать, как они умрут. На третьем этаже были склонны к раздумьям и верили почти всему, что читали. В этом отношении они, конечно, мало чем отличались от образованных обитателей первого и второго этажей, которые проводили дни в окружении бессмертных предметов из прошлого, иронизируя на тему распада.

Место Элизабет Ричмонд находилось на третьем этаже, в углу кабинета. Эта часть музея располагалась ближе всего к поверхности, если можно так выразиться. Отсюда осуществлялась связь с внешним миром, пресмыкающихся-ученых здесь не жаловали. Сидя за своим столом на верхнем этаже здания, в самом западном углу, Элизабет каждый день отвечала на письма с предложениями принять коллекцию гербариев или старинных морских сундуков, возвращенных в Америку из Китая. Доказательств того, что Элизабет вывел из равновесия наклон пола в кабинете, как и того, что здание начало проседать по вине Элизабет, нет, и все же никто не сомневается, что произошло и то и другое почти одновременно.

Первой мыслью всякого, кто имел отношение к музею, вплоть до палеонтолога, было не построить заново на другом месте, а починить, залатать, вернуть прежний вид. Для этого плотники сочли необходимым проделать в здании сквозную дыру, сломав одну стену на каждом этаже, и начали они с угла Элизабет. На втором этаже дыру скрывал саркофаг, на первом – не без оснований – небольшая дверца с надписью «НЕ ВХОДИТЬ». В канцелярии же закрыть ее оказалось нечем, поэтому, придя в понедельник утром на работу, Элизабет обнаружила, что стену рядом с ее столом, которой она, печатая на машинке, почти касалась левым локтем, снесли, обнажив скелет здания. В тот день Элизабет пришла первая. Аккуратно повесив пальто и шляпку на вешалку у двери, она прошла в свой угол и глянула в дыру – у девушки мгновенно закружилась голова и возникло непреодолимое желание броситься вниз, в первобытные пески, на которых, по всей видимости, стоял музей. Далеко внизу, на первом этаже, она услышала голоса экскурсоводов, слабым эхом разносившиеся по зданию, – сегодня был день открытых дверей, и экскурсоводы слонялись без дела. Со второго этажа, судя по громкости, доносился чей-то недовольный голос – должно быть, археолог, стоя у саркофага,

возмущался качеством воздуха. Элизабет, у которой болела голова, болела почти все время, вздохнула и повернулась к столу, где ждало письмо с предложением принять собранный из спичек макет небоскреба. К третьему письму легкое ощущение праздника, вызванное отсутствием в кабинете стены, почти полностью улетучилось. Прочтя письмо, Элизабет встала и снова заглянула в пролом, а затем вернулась на место с единственной мыслью – о больной голове.

*«милая лиззи твоей беззаботной жизни конец берегись
меня берегись лиззи берегись меня и веди себя хорошо
потому что я тебя поймаю и ты пожалеешь и не думай что
я не узнаю лиззи потому что я знаю... гадкие мыслишки
лиззи гадкая лиззи»*

Элизабет Ричмонд было двадцать три года. У нее не было родителей, не было друзей, не было ни одного близкого человека, а устремления ограничивались тем, чтобы прожить без особых мучений отпущенное ей время. С тех пор как четыре года назад умерла ее мать, Элизабет ни разу ни с кем не поговорила по душам, а тетя, у которой девушка жила, много не требовала: лишь бы племянница отдавала ей часть недельного жалованья и вовремя спускалась к ужину. Хотя Элизабет приходила в музей каждый день на протяжении двух лет, за это время здесь ничего не изменилось. Корреспонденция, подписанная «Э. Р. по доверенности», и бесчисленные описи экспонатов, в конце которых стояло «Э. Ричмонд», были едва ли не единственными следами ее присутствия на работе. Полдюжины человек делили с ней кабинет и еще столько же работали в других помещениях на третьем этаже – все они знали Элизабет, здоровались с ней по утрам, а иной раз, когда утро выдавалось особенно солнечным, даже спрашивали, как у нее дела. Однако те, кто из желания помочь или просто по доброте душевной пытались узнать ее поближе, наталкивались на полное безразличие. Элизабет была настолько непримечательна, что даже не заслужила прозвища. Пока все вокруг, погруженные в изучение обломков и запыленных мелочей из мрачного прошлого или пустот в космосе, тщательно оберегали свою индивидуальность, она оставалась безымянным существом. К ней обращались «Элизабет» или

«мисс Ричмонд», потому что так она представилась в первый день, и, возможно, упала в ту дыру, ее бы хватились, только заметив, что рядом с табличкой «Мисс Элизабет Ричмонд, неизвестный даритель, стоимость не установлена» нет экспоната.

Она выбрала работу в музее не потому, что испытывала тягу к знаниям или надеялась однажды возглавить подобное учреждение, – просто она, как обычно плывя по течению, пришла в музей по совету тетиной подруги, и оказалось, что у них есть вакансия. Да и тетя весьма настойчиво предлагала попробовать свои силы: Элизабет нужно где-то работать, она ведь уже взрослая и может сама зарабатывать на жизнь. Тете казалось, что так у Элизабет, ничего из себя не представлявшей, будет хоть какая-то отличительная черта («моя племянница Элизабет, которая работает в музее»), но она предпочла не высказывать эту неприятную мысль. Итак, Элизабет, не строя никаких планов, отправилась в музей, и ее взяли, потому что для работы в канцелярии на третьем этаже не требовались яркие личности, а Элизабет, несмотря на недостатки, обладала разборчивым почерком, довольно быстро печатала на машинке и выполняла все, что бы ей ни поручили, если, конечно, понимала, что надо делать. Если Элизабет чем-то и гордилась, так это тем, как аккуратно она располагала вещи вокруг себя: все на своих местах и все на виду. Ее стол стоял ровно, и письма на нем были разложены словно по линейке. Каждое утро Элизабет садилась на один и тот же автобус, приходила на работу ровно во столько, во сколько ей велели приходить, вешала пальто и шляпку на положенное место. Она всегда носила темные платья с белыми воротничками – тетя считала, что так должны одеваться канцелярские служащие, – а когда наступало время идти домой, Элизабет шла домой.

Ни у кого в музее не возникло вопроса, не навредит ли Элизабет громадная дыра в кабинете, никто не сказал, задумчиво помахивая логарифмической линейкой: «Смотрите-ка, а ведь пролом будет у мисс Ричмонд почти под самым левым локтем. А вдруг мисс Ричмонд расстроится, не обнаружив одной стены?»

В понедельник незадолго до полудня Элизабет вытащила письмо из ящика стола и положила в сумочку, чтобы перечитать его за обедом. Письмо не давало ей покоя все утро: оно, что было очень приятно, предназначалось лично Элизабет и совсем не походило на привычные

ей послания. Взяв в кафетерии сэндвич, она перечитала письмо, изучая бумагу, почерк, построение фраз. Больше всего, пожалуй, ее будоражило неотступное чувство, будто она знает отправителя. Это чувство нельзя было назвать беспокойством – Элизабет просто не могла представить, что кто-то подобрал слова, взял ручку и лист бумаги, написал письмо и положил его в конверт с ее адресом. Разве такое мог сделать незнакомый человек? Проведя пальцем по неровным буквам, Элизабет улыбнулась. Она твердо знала, как поступит с письмом: отнесет его домой и уберет в коробку на верхней полке шкафа вместе с другим письмом.

Хотя сотрудники музея сами проводили большую часть времени, постукивая молотками, делая замеры и что-то починяя, все решили, что в рабочие часы каменщикам и плотникам в музее не место, поэтому, когда Элизабет в четыре пополудни, как обычно, выходила с работы, навстречу ей попались плотники. Никто в музее не обратил внимания, да и плотники почти не придали этому значения, но, проходя мимо них в коридоре, Элизабет с улыбкой произнесла: «Привет». Она вышла на улицу, щурясь на солнце из-за головной боли, села в свой автобус и ехала, глядя в окно, а потом, сойдя там же, где всегда, шла полквартала пешком до тетиного дома. Элизабет открыла дверь, посмотрела, нет ли на столике в прихожей записки, заглянула в гостиную и поднялась в свою комнату, где аккуратно повесила в шкаф пальто и шляпку, переобулась из туфель в домашние тапочки и, подставив к шкафу стул, вытащила с верхней полки красную картонную коробку, в которой когда-то, на двенадцатый день рождения, ей подарили конфеты. Элизабет осторожно положила коробку на кровать и, вернув на место стул, устроилась рядом. Прежде чем открыть коробку, она достала из сумочки письмо, еще раз прочла его и убрала в конверт с неряшливой надписью мисс элизабет ричмонд, музей оуэнстауна. Затем извлекла из коробки другое письмо, куда более ветхое. Его семь лет назад написала мать Элизабет.

«Робин, не пиши мне больше. Вчера застучала Бетси – она читала мои письма. Несносная девчонка, и до чего смышленная! Напишу по возможности и, надеюсь, до встречи в сб. Мне пора. Л.»

Элизабет нашла это письмо, так и не отправленное, в столе у матери вскоре после ее смерти. До сих пор она прятала его в шкафу, а сегодня, еще раз внимательно прочтя оба письма, положила их в коробку. Взяв стул, убрала коробку в шкаф, вернула стул на место и пошла в ванную. Элизабет мыла руки, когда снизу раздался тетин голос:

– Элизабет? Ты дома?

– Я здесь.

– Сделать тебе какао? На улице похолодало.

– Хорошо. Я сейчас приду.

Элизабет медленно спустилась по лестнице, поцеловала тетю – она всегда целовала ее, придя домой, – и проследовала на кухню.

– Ну что ж, – решительно начала тетя. Она тяжело опустилась в кресло и сложила ладони, мужественно делая вид, что не замечает отбивных и хлеба с маслом. – Приступим.

Элизабет торопливо села, приготовилась к молитве и равнодушно взглянула на тетю.

– Господи, благослови пищу рабам Твоим, – сказала тетя Морген, едва племянница сложила руки для молитвы, и, добавив «аминь», тут же потянулась за отбивной. – Хорошо провела день?

– Как обычно, – ответила Элизабет.

Еда при любых обстоятельствах оставалась для тети Морген делом чрезвычайной важности, и беседа за столом лишь немного умеряла ее аппетит. Нашлась бы от силы пара тем, способных отвлечь тетю Морген от тарелки, и Элизабет за все время так и не удалось затронуть ни одну из них. Ужин тетя приготовила исключительно по своему вкусу, впрочем, стоило отдать ей должное: отбивных, вареного картофеля, хлеба и пикулей племяннице предназначалось ровно столько, сколько ей самой. Разговор тоже делился поровну.

– А ты – хорошо провела день? – спросила Элизабет тетю Морген.

– Так себе. Дождь.

Хотя про таких, как тетя Морген, обычно говорят «мужеподобная», если бы она на самом деле была мужчиной, то являла бы собой весьма нелепое зрелище: среднего роста, с нескладной фигурой, безвольным подбородком и бегающими глазками. Но так уж вышло, что родилась она женщиной и с юных лет поневоле – о, злая, несправедливая судьба, наделившая красотой ее

родную сестру, – вжилась в образ грубой, громогласной особы, про коих говорят «мужепоподобная». Она держалась развязно, громко разговаривала, любила поест, выпить и, как она сама заявляла, провести время в мужском обществе. К племяннице, во всем соблюдавшей умеренность, она относилась с покровительственным радушием, а среди немногих друзей слыла бесстрашной особой, так как предпочитала говорить правду, даже самую неприятную, а еще обладала обширными познаниями в бейсболе. Тетя Морген достигла возраста, в котором пресловутый образ уже не тяготил ее, как, скажем, в двадцать лет, и даже испытывала некоторое самодовольство, видя, что хорошенькие сверстницы превратились в угрюмых, невзрачных старух, краснеющих от ее слов. Она никогда не сожалела о том, что после смерти сестры взяла на себя заботу о серой мышке Элизабет, поскольку та была тихой и незаметной и не имела обыкновения перебивать тетю во время вечерней беседы, которая всегда имела место между ужином и отходом ко сну. По утрам, прежде чем племянница уходила на работу, тетя Морген справлялась о ее здоровье и время от времени советовала обуть галоши. Тихие часы перед ужином, когда тетя Морген готовила, потягивая шерри, а Элизабет, как сегодня, поднималась к себе, не предназначались для общения. Когда приходило время накрывать на стол и садиться ужинать, тете Морген было не до болтовни. А после еды она любила пропустить бокальчик – а порой и не один – бренди, и вот тогда, развалившись в кресле с чашкой кофе и сигаретой, пока Элизабет сидела над остывающим какао, тетя Морген выдавала все, что накопилось за день.

– Научилась бы ты пить кофе, – как обычно, сказала она. – Я бы дала тебе к нему немного бренди.

– Спасибо, я не люблю бренди. Меня от него мутит.

– Это потому, что ты мешаешь его с какао. – Тетя Морген поежилась. – Какао. Какао. Жалкая бурда, ей бы только котят да неумытых мальчишек поить. Разве Шекспир пил какао?

– Не знаю.

– А должна знать, ты ведь работаешь в музее. Это я просиживаю штаны дома и живу на свои кровные денежки. – Она улыбнулась и церемонно кивнула Элизабет. – Вернее, на денежки твоей матери. Мои они по чистой случайности, только благодаря образцовому терпению и блестящему уму. Только потому, – с наслаждением добавила тетя

Морген, – что я ее пережила. Кстати, если бы я ее убила, – рассуждала она, размахивая сигаретой, – меня бы поймали. И я бы не получила деньги, потому что сидела бы за убийство. Ты не думай, я не раз прокручивала это в голове – точно поймали бы. В конце концов, не настолько я умна, детка.

Тетя Морген очень часто называла Элизабет деткой после ужина. И она так много говорила о ее матери, что Элизабет в какой-то момент перестала слушать, открыв в себе способность впадать в безмятежно-равнодушное состояние, как будто она щедро угостилась тетиним бренди. Тетя Морген все говорила, а Элизабет безучастно глядела на изменчивый свет, отражавшийся в столовом серебре и зеркале над буфетом, на тень, скользившую по столу, когда тетя поднимала бокал, и на бесконечную череду розовых арок на обоях.

– ...сначала заметил меня, – рассказывала тетя Морген, – потом, разумеется, твою мать. Когда он познакомился с моей сестрой Элизабет, то, конечно, выбрал ее, я ничего не могла поделать. Но я тещу себя надеждой, Элизабет-младшая, тещу надеждой, что, увидев, какая я умная и сильная, он понял, что ошибся, выбрав красивую пустышку. Пустышку! – Тетя Морген повторяла это слово почти каждый вечер и все равно всякий раз смаковала его. – Под конец он стал приходить ко мне все чаще – спрашивал совета насчет денег, делился своими бедами. Я знала о других мужчинах, но он, само собой, выбор сделал, хотя тогда она вроде еще не была по уши в грязи. Ладно. – Откинувшись в кресле, тетя Морген из-под полуприкрытых век глядела на бутылку бренди. – Составишь посуду в раковину, детка? Тетя сегодня ляжет пораньше.

– Я ее помою. Миссис Мартин придет завтра убираться, а она не любит грязную посуду.

– Старая дура, – буркнула тетя Морген. – Ты хорошая девочка, Элизабет. Без дури в голове.

Элизабет отнесла тарелки в раковину и включила воду. По головной боли, не проходившей целый день, и подступавшей теперь невыносимой ломоте в спине – такой, что хотелось, как кошка, выгнуться всем телом или потереться о дверной косяк, – она поняла: ей грозит очередной приступ того, что тетя Морген называет мигренью, а сама Элизабет – «нехорошим состоянием». Она двигалась медленно и осторожно, старалась подольше делать какие-нибудь

мелкие дела – в «нехорошем состоянии» главное не сидеть на месте. По воспоминаниям Элизабет, приступы начались у нее еще в детстве, однако тетя Морген считала, что до смерти матери девочка страдала только от перепадов настроения и мигрень племянницы – «своего рода реакция на то, что произошло». Так или иначе, в последнее время «нехорошее состояние» наступало все чаще, и, вспомнив, что совсем недавно она на четыре дня брала больничный, Элизабет подумала сквозь боль: если продолжать в том же духе, ее выгонят с работы.

К тому времени, когда она неторопливо вымыла и аккуратно убрала в шкаф посуду, отчистила сковороду, отдраила раковину и протерла стол, спина разболелась не на шутку. Не в силах терпеть, Элизабет заглянула в гостиную, где тетя Морген разгадывала кроссворд из вечерней газеты, и попросила таблетку аспирина.

– Опять мигрень? – Тетя подняла глаза от газеты. – Тебе следует показаться Гарольду Райану, детка.

– Она у меня всю жизнь. Доктор Райан тут бессилен.

– Я принесу тебе грелку для спины, – добродушно предложила тетя Морген, откладывая карандаш, – и одну из тех синих таблеточек. Ты мигом уснешь.

– Я хорошо сплю.

У Элизабет закружилась голова, и она схватилась за дверной косяк.

– Бедняжка. Тебе просто нужно поспать.

– Мне?

– Каждую ночь я слышу, как ты ворочаешься в кровати и что-то бормочешь. – Тетя Морген приобняла Элизабет. – Пойдем, старушка моя.

Тетя помогла ей раздеться. Боль в спине, возникавшая и исчезающая внезапно, без предупреждения, сейчас была настолько сильной, что Элизабет едва могла пошевелиться.

– Бедняжка, – приговаривала тетя Морген, снимая с Элизабет одежду. – Сколько раз я раздевала твою мать, когда она была беременна тобой. Она стала до того неуклюжей, – тихонько засмеялась тетя, – положишь ее на бок, а перевернуться она уже не может. Вот так, теперь ночнушка. Она только в последние пару месяцев согласилась, чтобы кто-то – из женщин, имеется в виду, – ей помогал, и то подпускала меня одну. Она всегда была скрытной. А у тебя, надо

сказать, не ее фигура – отцовская. Другую руку, детка. Она была красавицей, моя сестра Элизабет, но по уши в грязи. А теперь – грелка и чудесная сонная таблеточка.

– Но я уже почти сплю, тетя Морген.

– Не то будешь опять всю ночь ворочаться.

Ступая как можно тише, тетя Морген направилась к двери, но по дороге все-таки задела ночной столик. Наконец она погасила свет и ушла. Оставшись одна в темноте, Элизабет попыталась уснуть. Тетя неплотно прикрыла дверь – не потому, что беспокоилась о племяннице, которая могла позвать ее ночью, а просто по забывчивости, – и Элизабет слышала, как она плавно переместилась из гостиной в кухню и хлопнула дверью холодильника, гордо бормоча себе под нос, что она себя чувствует отменно и уже столько пережила на этом свете.

Мерзкая старуха, подумала Элизабет и тотчас поразила самой себе, – тетя Морген всегда была к ней очень добра.

– Мерзкая старуха. – Она поняла, что произнесла это вслух. А если тетя услышит? Элизабет хихикнула. – Мерзкая старуха. – На этот раз вышло и правда громко.

– Ты меня звала, детка?

– Нет, спасибо, тетя Морген.

Лежа тихонько в своей постели, чувствуя, как в темноте боль понемногу отступает, Элизабет почти беззвучно напевала мелодию. Некогда модные, а теперь позабытые мотивы, обрывки музыки из далекого прошлого, детские песенки – все смешалось в этой мелодии, и, напевая ее, Элизабет уснула. Она не слышала, как, все же решив провести племянницу, тетя Морген подошла к двери и шепотом спросила:

– Все хорошо, детка?

Проспав всю ночь, тетя Морген обычно вставала в дурном расположении духа. Элизабет привыкла видеть ее такой по утрам. Она полежала минут десять, зная, что, уже не заснет, и, легонько пошевелившись, решила, что после сна спина болит гораздо меньше и вполне можно идти на работу. Головная боль все еще пульсировала где-то в затылке, и Элизабет сделала произвольное, но давно вошедшее в привычку движение – изо всех сил потерла шею сзади,

словно хотела подавить нервные импульсы, заглушить боль. Это было одно из ее навязчивых движений, и голове оно не приносило ни малейшего облегчения. Спустившись вниз, как всегда, опрятно одетая, Элизабет прошла на кухню, где тетя Морген, все еще в халате, с мрачным видом пила кофе.

– Доброе утро, – сказала Элизабет и отправилась к холодильнику за молоком. Сев за стол напротив тети Морген, она повторила: – Доброе утро, тетя.

Ответа не последовало. Элизабет подняла глаза, – тетя смотрела злобно, туманный взгляд, какой обычно бывал у нее по утрам, куда-то исчез.

– Голова уже меньше болит, – робко сообщила Элизабет.

– Оно и видно. – Угрожающе постучав пальцем по чашке, тетя Морген опустила уголки рта и прищурила глаза, отчего лицо ее приобрело язвительное выражение. – Я рада, – сказала она низким голосом, – что тебе стало настолько лучше, – ты даже смогла встать с кровати.

– Я решила пойти на работу. Я...

– Я не о теперешнем твоём состоянии. Я о том, что было около часа ночи. – Дрожащей от ярости рукой тетя Морген зажгла сигарету. – Когда ты решила выйти погулять.

– Но я никуда не выходила, тетя Морген. Я всю ночь спала.

– Ты правда думаешь, я не знаю, что происходит в моем собственном доме? Ты, великовозрастное дитя, правда думаешь, что я куплюсь на твоё притворство, буду жалеть тебя, приносить грелки с таблетками, укладывать в постель, заглядывать к тебе, буду сама доброта, а ты за все эти старания будешь надо мной насмехаться? Ты правда думаешь... – тетин голос сделался нестерпимо громким, – я не знаю, что ты вытворяешь?

Элизабет лишилась дара речи. Как в детстве, когда ее ругали, она потупила глаза в стакан с молоком, сцепила пальцы в замок и затихла, только губы ее дрожали.

– Что ты молчишь? – Тетя Морген откинулась в кресле. – А?

– Я не знаю, – пролепетала Элизабет.

– Чего не знаешь? – Тетя было смягчилась, но потом снова повысила голос: – Чего ты не знаешь, дуреха?

– Не знаю, о чем ты говоришь.

– О том, что творится в моем доме, о твоих выходках, о грязных, ужасных, отвратительных делишках – уж не знаю, чем ты там таким занимаешься посреди ночи, что даже родной тетке сказать не можешь и крадешься, как жалкий воришка, с туфлями в руках...

– Я этого не делала.

– Еще как делала. И не смей врать. – Тетя Морген встала, грозно навалившись на стол. – А теперь, прежде чем уйти, ты расскажешь, что ты от меня скрываешь. И чем быстрее, тем лучше.

– Я этого не делала.

– Зря отпираешься. Где ты была?

– Я нигде не была.

– Ты куда-то ходила? Или кто-то тебя ждал?

– Я никуда не ходила.

– Кто? Кто тебя ждал?

– Никто. Я ничего не делала.

– Кто он?

Тетя Морген ударила ладонью по столу, так что молоко Элизабет разлилось и закапало на пол. Элизабет боялась встать за тряпкой, боялась пошевелиться и продолжала сидеть, опустив глаза и сцепив руки под столом.

– Кто? – не унималась тетя.

– Никто.

Раскрыв рот, тетя шумно вдохнула и обеими руками ухватила за край стола. Потом зажмурилась, закрыла рот и не двигалась, явно пытаясь остыть. Минуту спустя она открыла глаза, села и спокойным тоном сказала:

– Элизабет, я не хотела тебя пугать. Прости, что вышла из себя. Я понимаю, что криком только делаю хуже. Давай я попробую объяснить.

– Хорошо.

Элизабет мельком взглянула на молоко, которое по-прежнему капало на пол.

– Послушай, – убеждающе заговорила тетя Морген, – ты знаешь, что как твой единственный опекун я чувствую огромную ответственность. В конце концов... – Она добродушно ухмыльнулась, – как ни грустно это признавать, я сама когда-то была молодой и помню, как непросто жить под чьим-то постоянным

присмотром. Ты вся такая независимая, свободная, ты не обязана ни перед кем отчитываться. Прошу, детка, попытайся понять. По мне, так ты вольна делать все, что душе угодно. Я не цербер и не одна из этих ваших заполошных старых дев, что падают в обморок при одном виде мужчины. Я все та же, твоя безумная тетка, и пусть я старая дева, но держу пари, на свете почти не осталось такого, от чего я могу упасть в обморок. – Тетя Морген запнулась, затем, поборов искушение предаться раздумьям, заговорила с прежней уверенностью: – Все это я к чему – не нужно тайком сбегать по ночам и не нужно бояться, что я узнаю о каких-нибудь постыдных вещах. Если есть парень, с которым ты хочешь гулять, и ты почему-то думаешь, будто я против, не кажется ли тебе, что уж лучше получить нагоняй за ночное свидание – и тут я точно бессильна, – чем за уловки и вранье – а вот тут кое-что в моих силах, уж поверь. И вообще, разве не лучше ни от кого не прятаться? – И она замолчала, переводя дыхание.

– Наверное.

– Так давай, детка, – с нежностью сказала тетя Морген, – ты просто расскажешь тете, в чем дело. Поверь, тебе за это ничего не будет. Делать, что хочешь, – твое право, и помни, я не стану ругаться – я сама всегда делала, что хотела, и прекрасно помню, каково это.

– Но я этого не делала. То есть я ничего не делала.

– Предположим, ты ничего не делала, – рассудила тетя, – это ведь не повод скрывать от меня правду? Вот если бы ты что-то натворила, тогда другое дело, – со смехом добавила она.

– Я правда ничего такого не делала.

– Тогда что же ты делала? Чем, черт возьми, можно заниматься в такой час, если ничего такого ты не делала? – Тетя Морген снова засмеялась и недоуменно покачала головой. – Ну и разговор у нас. Неужели нельзя сказать правду?

– Нет. – Элизабет на секунду задумалась. – То есть я ничего не делала.

– Боже, Отец наш Небесный, Господь Всемогуший, да сколько я буду повторять! Есть вообще слова, – мягко спросила тетя Морген, – способные достучаться до этого крошечного мозга? Я пытаюсь выяснить, что случилось вчера в час ночи и с кем ты была.

– Ничего не случилось, – ответила Элизабет, заламывая руки.

– В этом я теперь не сомневаюсь, – горячилась тетя Морген. – Мне только удивительно, как он вообще мог на что-то рассчитывать. Должно быть, есть такие на свете, но как она их находит? – сказала она будто самой себе, а затем добавила, обращаясь к Элизабет: – И кто этот оптимист?

– Никто.

– Хоть ты тресни, хоть ты лопни, хоть ты разорвись. Вся в мать – по уши в грязи. – Тетя засмеялась на удивление добрым смехом. – И с чего я взяла, что ты холодной ночью выбралась из дома ради свидания? Зная твою мать, ты бы скорее понесла письмо в почтовый ящик, а потом сделала бы из этого великую тайну, надеясь, что кто-нибудь подумает самое гадкое. Или пошла бы искать пять центов, которые потеряла на прошлой неделе. А если тебя все-таки ждал парень... – Тетя Морген насмешливо показала на Элизабет пальцем, – держу пари на деньги твоего бедного отца, он все прекрасно видит. Ты такая же плутовка и лгунья, как твоя мать, вот только меня не проведешь.

– Я этого не делала, – пролепетала Элизабет.

– Ну, разумеется, не делала. Бедняжка.

Тетя Морген встала и вышла из кухни, а Элизабет наконец взяла тряпку, чтобы вытереть молоко.

Дыра в кабинете Элизабет никуда не исчезла – так и зияла целый день под ее левым локтем. Среди утренней почты, помимо запроса полной описи экспонатов из зала насекомых и письма с просьбой сообщить окончательное решение относительно уникальной коллекции чеканного серебра индейцев навахо, Элизабет обнаружила еще одно послание.

*«ха ха ха я все про тебя знаю гадкая гадкая лиззи тебе
от меня не скрыться я никогда от тебя не отстану и не
скажу кто я ха ха ха»*

Возвращаясь домой с письмом в сумочке, Элизабет вдруг остановилась на полпути от автобусной остановки к тетиному дому с отчетливой мыслью: кто-то пишет письма ей.

Она положила письмо в красную коробку, в которой ей на двенадцатый день рождения подарили конфеты, а затем перечитала два других.

«я тебя поймаю... Она все, что у меня есть... тебе от меня не скрыться...»

– Ну что? – спросила после ужина тетя Морген. – Надумала сдать?

– Я ничего не делала.

– Ты ничего не делала. Что ж, хорошо. – Она холодно взглянула на Элизабет. – Опять делаешь вид, что болит спина?

– Да. То есть у меня правда болит спина. И голова тоже болит.

– И это за всю мою доброту, – утомленно проговорила тетя. – Сколько это будет повторяться?

– Ну, как сегодня поживает наша бедная головка? – поинтересовалась тетя Морген за завтраком.

– Немного лучше, спасибо. – И тут Элизабет увидела тетино лицо. – Прости, – вырвалось у нее.

– Хорошо провела время? Бедный паршивец не теряет надежды?

– Я не знаю...

– Не знаешь? – В голосе тети Морген звучала неприкрытая издевка. – Поверь, Элизабет, даже твоя мать...

– Я этого не делала.

– Не делала, значит. – Тетя вернулась к недопитому кофе, однако через некоторое время все-таки нехотя спросила: – Как ты себя чувствуешь?

– Вроде бы так же, тетя Морген. Спина болит, голова тоже.

– Тебе нужно к врачу, – сказала тетя Морген. И вдруг, вскочив, ударила рукой по столу. – Видит бог, детка, тебе нужно к врачу!

«...и я могу делать что угодно и ты мне не указ я ненавижу тебя гадкая лиззи и ты пожалеешь что узнала обо мне потому что теперь мы обе знаем что ты гадкая гадкая гадкая...»

Сидя на кровати, Элизабет пересчитывала письма. Кто-то написал ей столько писем, с радостью думала она, столько писем – целых пять. Она складывала их в красную коробку и каждый день, вернувшись с работы, приносила еще одно и заново их пересчитывала. Ей было важно просто знать, что они есть, – как будто кто-то наконец нашел ее, кто-то близкий и родной, кто-то, кому хотелось наблюдать за ней. Кто-то пишет письма ей, думала Элизабет, с нежностью проводя пальцем по бумаге. Часы на лестнице пробили пять, и она нехотя принялась собирать письма, аккуратно вкладывая их в конверты. Ей не хотелось, чтобы тетя Морген знала о письмах. Элизабет уже убрала коробку в шкаф и поставила стул на место, когда дверь распахнулась и в комнату вошла тетя.

– Элизабет, детка, в чем дело?

– Ни в чем.

Побледневшая тетя Морген стояла, вцепившись в ручку двери.

– Я тебя звала. Стучала в дверь и звала, искала на улице и звала, а ты не отвечала. – Она постояла с минуту, не отпуская ручку, а затем повторила: – Я тебя звала.

– Я была здесь. Собиралась к ужину.

– Я подумала, ты...

Элизабет с беспокойством взглянула на тетю – та уставилась на столик у кровати. Обернувшись, девушка увидела на нем одну из тетиних бутылок бренди.

– Зачем ты принесла это в мою комнату?

Отпустив дверную ручку, тетя Морген шагнула к Элизабет.

– Господь Всемогуций, да от тебя же несет выпивкой.

– Нет. – Элизабет отпрянула, напуганная несправедливым обвинением. – Тетя Морген, прошу тебя, пойдем ужинать.

– Грязь. – Тетя Морген взяла бутылку и посмотрела ее на свет. – Ужинать, – усмехнулась она.

– Пожалуйста, тетя Морген, пойдем вниз.

– Я пойду к себе. – Не спуская глаз с Элизабет, тетя с бутылкой бренди в руках попятилась к двери. – Мне кажется, – она снова взялась за ручку, – ты пьяна. – И она захлопнула дверь.

Оторопев, Элизабет присела на край кровати. Она выпила тетин бренди, промелькнуло у нее в голове, бедная тетя Морген. Элизабет

растерянно поглядела на часы, стоявшие на столике у кровати, – они показывали четверть первого.

*«...я все знаю я все знаю я все знаю гадкая гадкая лиззи
гадкая гадкая лиззи я все знаю...»*

На следующий день Элизабет нужно было править пробный экземпляр музейного каталога, а потому она, надежно спрятав в сумочку очередное письмо, ушла с работы только в четверть пятого, когда рабочие уже приступили к своим обязанностям, и опоздала на автобус. Когда она добралась до дома и вошла на кухню, где тетя Морген сидела с бокалом бренди, то сначала заметила нетронутый ужин на столе, и только затем направленный на нее тяжелый взгляд. Не говоря ни слова, Элизабет примирительно протянула тете коробку конфет, которую, к собственному удивлению, держала в руках.

Мистер и миссис Эрроу, в отличие от всех своих знакомых, которые коллекционировали индейские маски, вечерами исполняли по ролям пьесы и играли на каких-нибудь изысканных инструментах, считали себя людьми простыми. Они угощали гостей шерри, играли в бридж, посещали вдвоем лекции и даже слушали радио. Миссис Эрроу осуждала вопиющую привычку тети Морген ходить одной в кино, и они с мужем полагали, что Элизабет предоставлено слишком много свободы. Собственно, миссис Эрроу, не скрывая своего отношения, так и сказала тете Морген, когда Элизабет пошла работать в музей: «Ты слишком много дозволяешь этой девочке, Морген. За такой, как она, присматривать нужно лучше, чем за одной из твоих... одной из тех... в общем, Морген, ты не хуже меня знаешь, что за Элизабет нужно присматривать. Не в том смысле, что с ней что-то не так». Миссис Эрроу подняла глаза к небу и развела руками с самым невинным видом – никто бы в жизни не усмотрел в ее словах и малейшего намека на то, что с Элизабет что-то не так. «Я вовсе не это имела в виду, – принялась объяснять она. – Я хотела сказать, что Элизабет – необычайно чувствительная девушка, и, если она каждый день будет надолго отлучаться из дома, я советую тебе, Морген, настоятельно советую, следить за тем, чтобы ее окружали приличные люди. Конечно, –

миссис Эрроу одобрительно закивала, – в музее в основном работают не за деньги. Я всегда думаю, как это мило с их стороны».

Когда-то, в период роста, мистер Эрроу для улучшения осанки брал уроки пения, и до сих пор, стоило только намекнуть, весьма охотно демонстрировал свои способности. Он обычно развлекал гостей песнями вроде «Дайте мужчине лошадь, такую, чтоб мог он скакать» и «Дорога в Мандалай», а миссис Эрроу играла на пианино, яростно давя на педаль и подпевая без слов в несложных местах.

– Только ради бога, – велела тетя Морген племяннице, настойчиво звоня в дверь, – не проси Верджила спеть.

– Хорошо.

– Рут! – воскликнула тетя Морген, когда дверь открылась. – Как я рада тебя видеть!

– Здравствуйте, здравствуйте, – встретила их миссис Эрроу.

Из-за ее спины широко улыбался мистер Эрроу.

– Добрый день! А, вот и Элизабет. Как поживаешь, дорогая?

Эрроу не коллекционировали индейские маски и не пользовались услугами декоратора, поэтому были вынуждены украшать стены обычными картинами, и всякий раз при мысли об их доме Элизабет вспоминала живописные репродукции с деревенскими садами, идиллически пологими холмами и романтическими закатами. У них в прихожей стояла подставка для зонтов, хотя оба шутили по этому поводу, а мистер Эрроу со свойственным ему легким пренебрежением говорил, что лучше места для мокрых зонтов просто не найти. Элизабет аккуратно повесила пальто в шкаф, прошла в гостиную, села в большое кресло, скромно сложив руки на коленях, и почувствовала себя в безопасности. Тетя Морген развалилась в таком же кресле, а мистер и миссис Эрроу примостились вдвоем на диване.

В самой обстановке гостиной было что-то от холмов и закатов с картин: глубокое и мягкое кресло Элизабет, обитое рыжей тканью; ковер под ногами, на котором алый меандр перемежался с коричнево-зеленым цветочным орнаментом; обои, неизбежно привлекавшие внимание, красноречиво говорившие об исключительности комнаты, а заодно и ее обитателей, – сине-зеленая клетка с беспорядочными вкраплениями черного. Все здесь было негармонично, напыщенно, во всем ощущался компромисс, и тем не менее осознание того, что все это принадлежит и всегда будет принадлежать чете Эрроу, что со

временем к этому даже можно привыкнуть и что во всем этом есть некая незыблемость, дарило удивительное чувство безопасности. Даже тетя Морген принимала гостиную Эрроу как данность, и, когда кто-нибудь встречал их на лекции, или по дороге в парк воскресным днем, или на ужине у каких-нибудь чудаков, которые всегда приглашали их в гости, мистера и миссис Эрроу сопровождал, распространяясь, как зараза, дух невыцветающих обоев и практичных ковров, непрошибаемой, невыносимой заурядности.

Сидя в кресле, Элизабет видела себя в полированной поверхности рояля, видела блики, скользившие по восковым фруктам в хрустальной вазе, когда в ней отражалось ее лицо, видела, как переливаются на свету, стоит ей пошевелить рукой, позолоченная рама зеркала над мраморным камином, стеклянные шарики на абажуре, запонки мистера Эрроу и расписная пиала, всегда наполненная засахаренным миндалем. Мистер Эрроу пошел за шерри, миссис Эрроу предложила им угоститься конфетами, мистер Эрроу порывался спеть, чтобы немного развеселить гостей, миссис Эрроу поинтересовалась, не сидит ли Элизабет на диете... Отсветы плясали по стеклу картины, на которой в деревенском саду пышно цвели розы и пионы. Элизабет вдруг почувствовала, что у нее опять начинает болеть голова. Она потерлась шеей о спинку кресла и беспокойно зашевелилась. Начав с затылка, боль, страшная, ползучая, спускалась ниже. Элизабет представляла, что боль – живое существо. Выскользнув из ее головы через шею, оно сковывало неподвижностью плечи и спину и в конце концов пробиралось в поясницу, откуда ни за что не желало уходить. Что ни делай – потягивайся, массируй больное место, катайся на спине – ничего не помогало. Потирая шею, Элизабет пыталась преградить боли путь – вдруг, если надавить посильнее, она отступит, повернет, останется в голове...

– ...музее? – спросила у Элизабет миссис Эрроу.

– Простите?

– Элизабет? – Миссис Эрроу вглядывалась в ее лицо. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– У меня болит голова.

– Опять? – удивилась тетя Морген.

– Пройдет, – ответила Элизабет, стараясь не шевелиться.

Мистер Эрроу вызвался принести аспирин и сказал, что, пожалуй, не будет петь, пока Элизабет не станет лучше. Обращаясь к тете Морген, он с улыбкой заметил, что звуки головного регистра нередко сильно раздражают чувствительные мозговые оболочки, хотя у многих, наоборот, голова болит меньше, если им петь. Миссис Эрроу сообщила, что у нее есть таблетки от головной боли, куда лучше, чем аспирин, и она с удовольствием даст Элизабет одну. Сама она всегда принимает две, но в первый раз лучше не рисковать. Тетя Морген посоветовала проверить зрение – слишком уж часто у Элизабет стала болеть голова, а мистер Эрроу рассказал, что тоже страдал от головной боли, пока ему не выписали очки. Миссис Эрроу готова была идти за таблеткой. Элизабет соврала, что ей уже лучше. Все смотрели на девушку, и тогда она взяла бокал шерри, который налил ей мистер Эрроу, и стала пить маленькими глотками, ощущая отвратительную горечь во рту и тошнотворное головокружение.

– ...вывести Эдмунда, – говорила тете Морген миссис Эрроу. – Путь, конечно, долгий, но мы с Верджилом чувствовали, что оно того стоит.

– С этим нужно быть очень осторожным, – добавил мистер Эрроу.

– Помню, – начала тетя Морген, – когда мне было лет шестнадцать...

– Элизабет, – снова спросила миссис Эрроу, – ты точно хорошо себя чувствуешь?

Все опять посмотрели на Элизабет.

– Все хорошо, правда, – ответила Элизабет, потягивая шерри.

– Не нравится мне ее вид. – Миссис Эрроу встревоженно покачала головой. – Девочка плохо выглядит, Морген.

– Болезненно, – уточнил мистер Эрроу.

– Всегда была здорова как бык. – Тетя Морген пристально поглядела на племянницу. – А теперь эти головные боли и боли в спине, и спит она плохо.

– Растет, – осторожно, как будто еще могло выясниться, что дела обстоят намного хуже, предположила миссис Эрроу. – Или слишком много работает.

– Юные девушки, – глубокомысленно изрек мистер Эрроу.

– Сколько лет Элизабет? – поинтересовалась миссис Эрроу. – Иногда, если молодая девушка слишком много времени проводит

одна... – Деликатно заменив слова жестом, она опустила глаза.

– Не стоит беспокоиться, – смущенно проговорила Элизабет.

– Фантазии. – Мистер Эрроу сделал похожий жест. – Заблуждения.

– Я подумала, может, стоит показать ее доктору Райану, – заявила тетя Морген. – Эти бессонницы...

– Нужно всегда идти при первых же симптомах, – с уверенностью ответила миссис Эрроу. – Никогда не знаешь, что еще могут обнаружить.

– Пройти обследование, – подтвердил мистер Эрроу.

– Да, пожалуй, – вздохнула тетя Морген и с улыбкой добавила: – Это огромная ответственность – дочь родной сестры, а из меня мать так себе.

– Да кто бы еще так добросовестно выполнял эти обязанности, – поспешила заверить ее миссис Эрроу. – Морген, не смей, слышишь, не смей себя винить – ты прекрасно справляешься. Правда, Верджил?

– Прекрасно, – согласился мистер Эрроу. – Я часто об этом думал.

– Я всегда старалась воспринимать ее как собственную дочь. – Тетя Морген мельком улыбнулась племяннице, отчего слова ее приобрели почти трогательную искренность.

Послав тете ответную улыбку, Элизабет потерлась шеей о спинку кресла.

– ... Эдмунда, – продолжила свой рассказ миссис Эрроу.

– Я не поняла, – переспросила тетя Морген, – масть была коричневая?

– Абрикосовая.

– Поэтому пришлось так далеко ехать, – пояснил мистер Эрроу. – Мы хотели правильный окрас. Потом, конечно, оказалось, что ездили мы зря, – с сожалением добавил он.

– И правда, обидно, – кивнула тетя Морген.

– Естественно, нам ничего не оставалось, как взять черного. – Миссис Эрроу пожала плечами, словно желая показать всю безвыходность их положения.

Мистер Эрроу положил руку жене на плечо.

– Теперь это уже не имеет значения. Как насчет небольшой музыкальной паузы? У Элизабет прошла голова?

– Мне лучше, – отозвалась Элизабет.

– Ну что ж. – Мистер Эрроу устремился к роялю. – Рут? Ты не подыграешь мне? – Когда жена подошла, он спросил у тети Морген: – Какую? «Мандалай»?

– Чудесно, – ответила тетя Морген, поудобнее устроившись в кресле и по-хозяйски придвинув к себе графин с шерри. – Изумительная песня, лучше и быть не может.

Элизабет открыла глаза. Вместо вступления к «Дороге в Мандалай» в комнате воцарилась тишина.

– Я ведь спросил. – Мистер Эрроу закрыл стоявшие на рояле ноты. – Извини, Элизабет. Я спросил, прошла ли у тебя голова. Спросил же, – повторил он, обращаясь к жене.

– Вообще-то да, Элизабет, – подтвердила миссис Эрроу. – Никто не заставляет тебя слушать.

– Простите? – недоуменно переспросила Элизабет. – Но я хочу послушать, как поет мистер Эрроу.

– Если это была шутка, – заметила тетя Морген, – то крайне неудачная, Элизабет.

– Я не понимаю, тетя.

– Не важно, все уже забыли, – примирительно сказал мистер Эрроу. – Без музыки так без музыки.

Элизабет приготовилась слушать, однако снова ничего не услышала. Она открыла глаза – взгляды присутствующих были устремлены на нее.

– Элизабет, – сдавленным голосом проговорила тетя Морген, порываясь встать с кресла. – Элизабет.

– Не надо, Морген. – Миссис Эрроу, поджав губы, с трясущимися руками поднялась из-за рояля. – Вот уж не ожидала.

Мистер Эрроу, стараясь не смотреть на Элизабет, закрыл ноты и осторожно положил их в стопку на рояле. Постояв немного, он окинул взглядом комнату и слабо улыбнулся. – Не будем портить вечер, дамы. Еще шерри, Морген?

– Меня никогда в жизни так не унижали, – оправдывалась тетя Морген. – Ничего не понимаю. Я прошу прощения, Верджил, честное слово. Все, что я могу сказать...

– Ничего страшного. – Миссис Эрроу погладила ее по руке. – Давайте просто забудем.

– Элизабет? – позвала тетя Морген.

– Что?

– ...себя чувствуешь?

– Что?

– Ей, наверное, надо прилечь, – предположил мистер Эрроу.

– Я понятия не имела... – поразилась миссис Эрроу.

– По моим подсчетам, она выпила шесть бокалов, – сердито сказала тетя Морген. – Домой в постель – вот что ей надо. Я впервые вижу, чтобы она пила.

– Всего лишь сладкий шерри...

– ...показаться врачу, – рассудила миссис Эрроу. – Осторожность не бывает лишней.

– Элизабет, – скомандовала тетя Морген, – положи карты и собирайся. Мы уходим.

– Ты уверена? – спросила миссис Эрроу. – Мне кажется, ей сейчас не стоит идти домой.

Тетя Морген рассмеялась.

– Три роббера – с меня, пожалуй, хватит. А Элизабет завтра рано вставать.

– Что ж, спасибо, что заглянули.

– Приходите еще, – добавил мистер Эрроу.

– Было так хорошо, – поблагодарила их тетя Морген.

– Спасибо, мы чудесно провели время, – сказала Элизабет.

– Были рады повидаться, Элизабет. И, Морген, непременно сходи на ту лекцию. Мы могли бы пойти все вместе...

– Еще раз спасибо, – ответила тетя Морген.

Когда за ними закрылась дверь, и они, вдыхая прохладный вечерний воздух, зашагали по дорожке, тетя Морген взяла Элизабет за руку.

– Послушай, детка, ты меня здорово напугала. Тебе нехорошо?

– У меня болит голова.

– Неудивительно – выпить столько шерри. – Остановившись в свете фонаря, тетя Морген схватила Элизабет за подбородок и повернула к себе ее лицо. – Надо же, ни в одном глазу. Выглядишь, как трезвая, говоришь, как трезвая, ходишь, как трезвая – что-то явно не так. Элизабет, – не отступала она, – что с тобой, детка?

– Голова болит.

– Опять не хочешь говорить. – Тетя Морген взяла Элизабет под руку, и они пошли дальше. – У меня, черт побери, сердце не на месте. Все время, пока играли в бридж, я...

– Играли в бридж?

– Что ж, Морген. – Доктор Райан откинулся в кресле, и оно заскрипело под его огромным весом. Оно всегда скрипело, и, хотя прежде Элизабет об этом не задумывалась, единственным, что она помнила, выходя от доктора Райана, был скрип его кресла. – Что ж, Морген. – Доктор Райан сцепил руки перед собой и, вскинув брови, насмешливо смотрел на тетю Морген. – Вечно ты психуешь по пустякам.

– Как же! Помню я один случай, Гарольд Райан...

Оба рассмеялись, дружно, громко, так, что вокруг глаз у них заплясали морщинки.

– Вот ведь чертовка – никакого уважения!

И они снова рассмеялись.

Элизабет окинула взглядом кабинет доктора Райана. Она бывала здесь с матерью, потом с тетей Морген. Доктор Райан всегда принимал в этом кабинете и, насколько знала Элизабет, почти не покидал его пределы. Он приехал, когда умерла мать Элизабет, обнимал тетю Морген за плечи, говорил своим мужественным голосом всякую ерунду. Однажды приехал посреди ночи к больной Элизабет и с веселым видом маячил в ногах кровати, пока у изголовья толпились порожденные ее горячечным бредом видения. «Небольшая сыпь, а ты устроила настоящий переполох, дитя мое», – невозмутимо сказал он. Все остальное время доктор Райан сидел у себя в кабинете, скрипя креслом. Элизабет были незнакомы названия книг, стоявших в шкафу за доктором, но за много лет она во всех подробностях изучила порванный корешок третьей с конца на второй полке, а сейчас задалась вопросом: интересно, он вообще когда-нибудь в них заглядывает? Пока доктор Райан и тетя Морген смеялись, Элизабет рассматривала серые занавески, книги, стеклянную чернильницу на столе, миниатюрную модель корабля, которую доктор давным-давно, когда пальцы его еще были ловкими, смастерил сам.

– Честное слово, Гарольд, она меня напугала. Бедняга Верджил только раскрыл рот – и тут Элизабет выкрикивает эту похабщину...

Признаться, я... – Губы тети Морген дрогнули, она с трудом сдерживала улыбку. – Я хотела сказать, – тетю Морген душил смех, – что и сама об этом подумала, когда Верджил... – Закрыв лицо руками, она стала раскачиваться взад-вперед. – Ты бы видел... «Мандалай»...

Доктор Райан прикрыл глаза рукой.

– Точно, «Мандалай». Я слышал ее в исполнении Верджила.

– Я этого не говорила, – подала голос Элизабет. – То есть я ничего не говорила.

Тетя Морген и доктор Райан повернулись к ней с неподдельным интересом.

– Видишь, – сказала тетя Морген. – Похоже, она и правда не помнит.

Доктор Райан кивнул.

– Конечно, физически, – начал он, пожав плечами, – можно проверить только то, что знаешь. Я скажу, что у нее переутомление, или нервы шалют, или еще какую-нибудь ерунду в этом роде, а потом ты снова придешь с жалобами, которых, на наш с тобой взгляд, быть не может, и мы вернемся к тому, с чего начали. Вот как мы поступим. – Доктор Райан с неожиданной решимостью потянулся за бланком для рецепта. – Есть у меня один давний друг по фамилии Райт, Виктор Райт. Тебе не хуже моего известно, Морген: я знаю Элизабет и ни за что на свете не отправил бы ее к одному из этих психоаналитиков – они ей бог знает чего наговорят. Но Райту, Элизабет, я бы тебя все-таки показал. Он своеобразный, – добавил доктор Райан, обращаясь к тете Морген, – подобные случаи его всегда интересовали. Нет! – Доктор замахал руками. – Никаких кушеток, ничего такого, Морген, ну, ты поняла.

– Старый ты похабник, Гарольд, – миролюбиво заметила тетя Морген.

– И не говори, – довольно ухмыльнулся доктор Райан.

– По-твоему, если с Элизабет что-то не так, он найдет причину?

– Все с ней так. Думаю, ее просто что-то беспокоит. Может быть, сердечные дела. Ты когда-нибудь спрашивала ее об этом?

Тетя Морген покачала головой.

– Из нее слова не вытянешь.

– Ну что ж... – Доктор Райан поднялся с кресла. – Вытягивать слова – это как раз по части доктора Райана.

Тетя Морген встала, повернулась к Элизабет и вдруг взвизгнула.

– Гарольд Райан, двадцать пять лет прошу – брось ты свои штучки!

– Ну кого еще я так ущипну. – И доктор Райан подмигнул Элизабет.

2. Доктор Райт

Я считаю себя порядочным человеком. Не то что ваши нынешние слюнтяи-доктора, которым стыдно смотреть в глаза пациенту, с тысячей названий для всякой чепухи и тысячей лекарств от несуществующих болезней. Нет, я считаю себя порядочным человеком, и нас таких немного осталось. Больше всего меня воротит от юных павлинов, которые только стали врачами, а уже распускают хвосты, разве что неоновых вывесок со своими именами не вешают или лотерей в приемной не устраивают. Во многом поэтому я стараюсь систематизировать свои записи о мисс Р. – возможно, они станут руководством для одного из таких юнцов. Помню, я как-то рассказывал покойной жене шутку про пациента, в которого врач вкладывает душу. Впрочем, и ее ваши мозгоправы с их сновидениями и Фрейдами могут истолковать неверно. А ведь некоторым из них я когда-то помог появиться на свет. Приятно знать, что исключительный случай мисс Р. разгадал и оставил для всех в записях порядочный человек. Мне самому, по крайней мере, приятно. Я не стану извиняться за свои взгляды как врача, а вот стиль их изложения, вероятно, оставляет желать лучшего. Свой отчет я предваряю словами, которые повторяю более сорока лет: порядочный доктор порядочен во всем, и его забота о здоровье пациента не зависит от оплаты счетов. Моя практика сошла на нет, поскольку большинство пациентов уже мертвы (очередная шутка; привыкайте, дорогой читатель, я человек с прихотями, и юмор – одна из них) – от того, разумеется, что встретили старость на моем веку, а я, слугитель медицины, их пережил.

У Теккеря в «Эсмонде» (буквально на днях видел) сказано, что тщеславие – сильнейшая из всех человеческих страстей. Я столько раз в своей жизни перечитывал эти строки и могу сказать, что хороший писатель сродни хорошему врачу. Честный, порядочный человек с чувством собственного достоинства, чуждый мимолетных увлечений и слабостей, он стремится сделать лучшее из того, что ему дано, а дана ему человеческая природа – далеко не самый прочный материал. И все же у меня, как и у Теккеря, есть то, чем я горжусь, и то, перед чем не

могу устоять, и склонность воображать себя большим писателем занимает в этом списке не последнее место.

Тем не менее, когда я впервые увидел бедную мисс Р., мне было не до шуток. На прием ее записал Райан, и, по правде говоря, сначала она не вызвала у меня расположения, показалась угрюмой. Юные особы, которые якобы умеют определять характер или предсказывать судьбу по одному только внешнему виду, назвали бы ее застенчивой. Бесцветная – это слово пришло мне на ум при взгляде на мисс Р. У нее были темные волосы, гладко зачесанные назад и собранные заколкой или лентой, карие глаза, длинные, изящные кисти, которые она спокойно сложила на коленях, в то время как нервные девицы обычно теребят перчатки или сумочку. Сейчас, увы, так уже не говорят, но я бы сказал, что мисс Р. выглядела как леди. Платье соответствовало ее возрасту и положению: темное, аккуратное, совсем не нарядное и даже – хотя мне оно тогда понравилось – немного чопорное. Она говорила низким, ровным голосом и производила впечатление образованной девушки. Не припомню, чтобы она хоть раз искренне засмеялась, Впрочем, когда мы познакомились ближе, я часто видел ее улыбку.

Симптомы мисс Р. – приступы головокружения, периодическая абулия^[1], потери памяти, паника, страхи и недомогания, из-за которых она не могла работать, вялость, бессонница – свидетельствовали об остром нервном расстройстве, возможно, истерии. О них мне честно доложил этот обаятельный мерзавец Райан, к которому семья обратилась, когда проявления нервного расстройства девушки стали очевидными. Как и в большинстве семей, в этой, состоявшей, Впрочем, из одной только тети средних лет, предпочитали не замечать явных признаков невроза, всячески оправдывая пациента, пока дело не зашло слишком далеко. В одной семье родители сознались, что их обожаемый сын с детства страдает лунатизмом только после того, как парень сбежал, прихватив из отцовского сейфа несколько тысяч долларов. Так или иначе, Райан, пребывавший в растерянности, ибо мисс Р. не помогали его обычные средства (тоник, успокоительные, послеобеденный отдых), и знавший мой интерес к загадкам человеческой души (хотя я не перестаю повторять: я не один из этих ваших психоаналитиков, а обычный терапевт, который считает, что болезни души существуют наравне с болезнями тела и незачем

забивать голову такой скромной и порядочной девушки, как мисс Р., вашей психоаналитической чушью), договорился со мной о приеме.

Мисс Хартли, моя медсестра, записала имя пациентки, ее адрес, возраст, другие необходимые данные, и все это было в карте на моем столе, когда пришла мисс Р^[2].

Она села и робко улыбнулась. Мой кабинет обставлен таким образом, чтобы стеснительные пациенты чувствовали себя как можно увереннее, – ваши врачи, у которых в кабинетах сплошь хром и кафель, считают это излишним. Полки с книгами (оставшимися еще со школьных лет, мадам, – признаюсь, опережая ваш упрек), плотные занавески на окнах (пропитанные, дорогая мисс, сигарным дымом и благодаря этому отпугивающие моль), глубокие кресла и диван с подушками (на который, сэр, вы в любое удобное время можете пристроить ваш внушительный зад, чтобы посидеть часок-другой с бокалом хорошего вина и одной из сигар, что так не нравятся мисс), – все это несколько успокоило мисс Р. Она глупо смотрела вокруг, однако не демонстрировала признаков истерического ужаса, который, позволю себе заметить, часто наблюдался у пациентов старины Райана. Сложив длинные кисти на коленях, как хорошо воспитанная девушка, усвоившая, что леди должна сидеть тихо, мисс Р. уставилась на угол стола, нервно провела языком по губам, бессмысленно улыбнулась, после чего открыла и закрыла рот.

– Итак, – громко произнес я, желая показать, что заметил ее присутствие, что разговор наш, если можно так выразиться, начался сам собой и что мое драгоценное время, за которое платит ее тетя, в полном распоряжении мисс Р., – итак, мисс Р., что вас беспокоит?

Я приготовился услышать ответ. Порой удивительным образом вот такая тихая девушка без особых усилий с моей стороны начинает весьма охотно рассказывать о своих самых невероятных фантазиях. Но мисс Р. только опустила глаза на пепельницу и пробормотала:

– Ничего.

– Возможно, – согласился я. – Возможно, так оно и есть. Однако доктор Райан хотел, чтобы мы с вами побеседовали, и, пожалуй...

– Мы только тратим ваше время.

– Допустим. – Я не люблю, когда меня перебивают, но мисс Р. казалась такой уверенной в своей правоте, что меня одолело любопытство. Не скрою, в ту минуту я подумал, что это наша

последняя встреча. – Доктор Райан написал, – продолжил я, заглянув в записи Райана, – что вы плохо спите.

– Нет. Со сном у меня все в порядке. Тетя сказала ему, что я плохо сплю, но это не так.

– Ясно. – Я сделал в своих записях небольшую пометку и осторожно спросил: – А головные боли?

– Ну...

Мисс Р. чуть заметно сжала руки на коленях. Не услышав продолжения, я поднял глаза и выжидательно посмотрел на девушку. Она внимательно, словно ничего подобного прежде не видела, изучала мой настольный календарь.

– Так как же головные боли? – резковато повторил я.

Она принялась заламывать руки и впервые посмотрела на меня – пустым, глупым, лишенным всякого интереса взглядом.

– Мисс Р.?

Как будто опомнившись, она вскинула одну руку и, закрыв глаза, стала тереть шею сзади. Когда я в очередной раз задал свой вопрос, она вполне осмысленно взглянула на меня огромными от ужаса глазами и громко произнесла:

– Мне страшно.

– Страшно, мисс Р.?

– У меня не болит голова. Я хорошо себя чувствую.

– Но вам страшно.

Я вдруг заметил, что верчу в руках канцелярский нож. Я убрал его и ровно, одна параллельно другой, положил руки на стол.

Мисс Р. тоже аккуратно сложила руки на коленях и, глупо улыбаясь, вперила взгляд в край занавески.

– Что ж, мисс Р., – сказал я, испытывая огромное желание обернуться и посмотреть на занавеску, – предположим...

– Большое спасибо, доктор Райт. – Мисс Р. встала и направилась к двери. – Уверена, наша встреча пошла мне на пользу. Мне прийти снова?

– Пожалуйста. – Я неловко приподнялся из-за стола. – Мисс Хартли могла бы записать вас на послезавтра.

– Всего доброго.

Когда дверь закрылась, я снова сел за стол и подумал, глядя на занавеску: если мисс Р. и заговорит о своей болезни, то уж точно не по

собственной воле, а может, и не в сознательном состоянии.

Так прошло мое первое знакомство с мисс Р. (прежде чем читатель ахнет и язвительно укажет мне на грамматическую ошибку, замечу, что тавтология «первое знакомство» здесь не случайна и даже служит своего рода шуткой, ведь у меня, как вскоре поймет, устыдившись своей поспешности, читатель, было не одно знакомство с этой необычной девушкой). Скажу честно: я увидел человека психически нездорового, неспособного в одиночку справиться с обрушившимися на него трудностями. Я не люблю торопиться с выводами, и в тот день у меня не было готового диагноза, который я мог бы, как клеймо, поставить мисс Р.

Моим коньком вот уже долгие годы является гипноз. Я много практиковался и достиг определенных результатов. Огромная польза гипнотерапии, ее эффективность в случаях, аналогичных случаю мисс Р., успокаивающее воздействие, которое она оказывает на пациента, убедили меня в том, что искусное и осторожное применение сего метода дает неоценимое преимущество перед этими вашими современными врачами, мечтающими поскорее приклеить пациенту какой-нибудь ярлык. Я твердо решил, что гипноз – лучшее и едва ли не единственное средство, с помощью которого мы сможем выявить трудности мисс Р. и облегчить ее состояние, и намеревался к нему прибегнуть.

Когда мисс Р. пришла во второй раз, мы снова изучали занавески, пепельницу, календарь, и я на мгновение задумался: что же ты с ней сделал, старина Райан? Не решаясь сразу вернуться к ее словам о страхе, я начал с тех же вопросов, что в первый раз. И снова она утверждала, что спит хорошо и ее не мучают головные боли. Судя по ответам, визит к врачу представлялся мисс Р. глупой, бессмысленной затеей, но стоило ей взглянуть на меня – и я увидел в глазах девушки мольбу, как у животного (я люблю животных и вовсе не хочу унижить мисс Р. подобным сравнением – я видел множество собак, которые вели себя куда более разумно, чем мисс Р. в нашу вторую встречу), когда оно не понимает, за что с ним так жестоко обошлись, и просит о помощи.

– Вы боитесь меня? – мягко спросил я наконец.

Мисс Р. помотала головой.

– Доктора Райана?

Снова нет.

– Боитесь рассказывать о своей болезни?

И тут мисс Р. кивнула. Она неподвижно смотрела на край ковра, однако я не сомневался, что кивок предназначался мне, и, воодушевленный, продолжал:

– Вам трудно говорить?

Девушка опять кивнула.

– В таком случае вы позволите себя загипнотизировать?

Уставившись на меня широко распахнутыми глазами, она сначала яростно замотала головой, но потом – видимо, будучи из тех пациентов, что больше боятся врача, чем лечения, – согласилась.

Так прошла вторая крайне содержательная беседа мисс Р. с доктором Райтом. И все же я считал, что добился определенного успеха. Конечно, похвастаться тем, что завоевал доверие пациентки, я пока не мог, но по крайней мере я получил ответ на вопрос (держу пари, Райану и этого не удалось).

Когда она уходила, я как бы невзначай сказал, что мы попробуем гипноз в следующий раз. Мой горький, выстраданный опыт подсказывал правильно, и, увидев мисс Р. снова, я почти не удивился тому, что походка у нее стала медленнее, а взгляд не поднимался выше носков ее собственных туфель. Она заговорила с порога – я даже не успел поздороваться.

– Доктор Райт, мне пора. Я не могу остаться.

– Почему же, мисс Р.?

– Потому что.

– Потому что, мисс Р.?

– У меня назначена встреча.

– Разумеется. Со мной.

– Нет, кое с кем другим. Мне нужно вернуться на работу, – приободрившись, добавила она.

Мы встречались через день в половине пятого, поскольку мисс Р. работала до четырех. Хотя мне слабо верилось в то, что ее вызвали на работу, я спокойно спросил:

– Стало быть, мисс Р., вы говорите правду?

Врать она не умела и тотчас залилась краской.

– Нет, – ответила девушка, теребя сумочку. – На самом деле тетя не хочет, чтобы меня подвергали гипнозу.

– Вот как? Что же она раньше мне об это мне сказала? Уверен, доктор Райан...

– Я с ней согласна. Я тоже против гипноза.

Возможно, я бы даже понял такое отношение (учитывая, сколько развелось шарлатанов, предлагающих под видом гипноза бог знает что, удивительно, как люди, не сведущие в этой области, до сих пор верят докторам) – жизненный опыт мисс Р. был совсем невелик, равно как и вероятность того, что у нее есть твердое мнение хоть по какому-нибудь вопросу, – но только глаза мисс Р. смотрели умоляюще, как бы говоря: девушка хочет совсем другого.

– И тем не менее, – сказал я твердо, – я настаиваю, чтобы мы продолжали лечение, как договорились в прошлый раз.

– Но как? – удивилась она. – Если я не хочу?

Мольба в ее глазах придавала мне уверенности.

– Было бы глупо думать, что я стану лечить вас вопреки вашему желанию, да и мне бы этого не хотелось, но против продолжения нашей беседы вы ведь не будете возражать? Мне кажется, мы очень мило общались.

Осторожно, будто опасаясь, что я наброшусь на нее и подвергну ужасным пыткам, мисс Р. подошла к креслу. Ну и облегчение я испытал, когда наконец уговорил ее сесть неподвижно и остановить взгляд на каком-нибудь безобидном предмете.

Вопрос, как начать, меня не беспокоил. Я знал: однажды согласившись на лечение, мисс Р. больше не нуждалась в уговорах – она нуждалась в методе, который был бы ей понятен и мог дать то, что она хотела (а хотела она лечения, и такого, как я предлагал, – в этом я уже убедился), но в завуалированной форме, чтобы сопротивление мисс Р., даже самое неразумное, можно было преодолеть с ее же бессознательной помощью. Впрочем, в случае мисс Р., чьи умственные ресурсы до сих пор расходовались, мягко говоря, весьма экономно, для всего, что оставалось на поверхности, подобно нежеланию лечиться, мне хватило бы самой обыкновенной хитрости.

Я дружелюбно улыбнулся, глядя в стол, и заметил, что мне наше общение весьма приятно. Мисс Р. мельком посмотрела на меня и тут же отвернулась – она уловила мою интонацию, увидела то, что я хотел показать: недовольство и огорчение.

– Простите, – произнесла она, и, сказанные добровольно, эти слова оправдывали любые усилия, которые мне еще предстояло приложить. – Мне жаль, что у вас не получилось меня загипнотизировать.

Я учтиво кивнул, как подобает джентльмену, чьи благородные намерения были встречены вежливым отказом (Виктор Райт, маркиз Стейнский!) и, сдержав улыбку, вкрадчиво добавил:

– Может быть, позже. Мы узнаем друг друга лучше, и вы сможете мне доверять.

– Я вам доверяю, – потупившись, пролепетала мисс Р.

Видя, что обсуждать свое самочувствие мисс Р. не расположена, я попытался перевести разговор на семью и работу, однако обнаружил – без особого, стоит признать, удивления, – что и на эти темы подробного рассказа я не услышу. В какой-то момент, совсем отчаявшись, я уже готов был поверить, будто бедняжка вообще не ориентируется во времени и пространстве и, если сейчас вдруг спросить, как ее зовут, замешкается с ответом. В ходе допроса, которому позавидовала бы сама испанская инквизиция, я выяснил, что мисс Р. выполняет мелкую канцелярскую работу в музее: печатает на машинке (заученное действие, не требующее ни воображения, ни изобретательности, и, скорее всего, мисс Р. прекрасно его освоила), отвечает на шаблонные письма (опять же, никакой самостоятельности) и составляет описи (все, что нужно уметь – аккуратно переписывать названия и цифры).

Эту работу ей приходилось пропускать из-за недомогания, а ведь она кормила мисс Р. (впрочем, я сомневался, что тетя, какой бы бессердечной она ни была, допустит, чтобы племянница голодала; судя по ответам мисс Р., ее тетя являлась обладательницей весьма приличного, даже по нынешним меркам, состояния). Без нее девушка потеряла бы последнюю крупницу независимости и страдала бы еще сильнее. Тетя нашла мисс Р. место в музее, убедила пойти туда работать, потом уговаривала не бросать работу, и я бесцеремонно предположил, что она тоже воспринимала ежедневное отсутствие племянницы как возможность развеяться. В ответ на мои пытливые расспросы мисс Р. призналась: у нее по-прежнему болит голова. Потом и вовсе выяснилось, что головные боли, как и боли в спине, мучают ее почти постоянно. А вот относительно полного равнодушия моей

пациентки к окружающему миру у меня вскоре возникли сомнения. Заметив, что я взглянул на часы (хотя мне казалось, она, как обычно, смотрит на угол стола), мисс Р. резко вскочила, сослалась на тетю, которая ждет ее дома, и направилась к двери. Я заверил мисс Р., что посмотрел на часы, так как у меня назначена встреча, но до нее еще два часа. И хотя мои слова не убедили ее остаться, я чувствовал: мы на верном пути.

– Доктор Райт, – вдруг сказала мисс Р., замерев у двери, но не поворачиваясь ко мне, – по-моему, мы зря тратим ваше время. Со мной все хорошо.

Я ласково улыбнулся ей в спину.

– Если бы вы могли сами поставить себе диагноз, мисс Р., вы бы не пошли к врачу. Скажу больше... – Я не стал ждать, когда она возразит, что не приходила сама. – Один-два сеанса гипноза – и мы будем знать наверняка, все ли с вами хорошо.

– До свидания, – бросила мисс Р. и вышла из кабинета.

Я не стану мучить нетерпеливого читателя излишними подробностями. (Или вы все-таки терпеливы, сэр? Значит, мы оба застряли в том неспешном времени, когда никого не утомляли старания автора развлечь читателя и мы с удовольствием читали длинные, наполненные смыслом рассуждения и любили тяжелые книги в кожаных переплетах. Мы с вами позабыты, сэр, и вынуждены предаваться этим радостям тайком, как некоторые принимают опиум или пересчитывают золото.) Итак, я не буду досаждать читателю подробным отчетом о том, каких успехов я достиг, уговаривая мисс Р. попробовать гипноз. В конце концов она согласилась на короткий эксперимент, хотя, уверен, он представлялся ей каким-то непотребством. Мисс Р. настаивала на том, чтобы я не задавал ей «неловких» вопросов и чтобы под гипнозом она находилась не больше минуты – слишком мало для аморальных действий с моей стороны, цинично заметил я (разумеется, про себя, сэр, – я ведь не изверг!). На все ее условия я с легкостью согласился, так как знал: даже короткий эксперимент уменьшит страх мисс Р., а может, и позволит снять острые симптомы ее нервного расстройства. Как я и подозревал, на деле она оказалась весьма покладистой, охотно выполняла все

указания, и очень скоро я погрузил девушку в неглубокий гипнотический сон.

Она дышала легко и ровно, лицо и руки были расслаблены, ноги спокойно лежали на небольшой скамеечке. Я поразился миловидности и осмысленному выражению ее лица. Возможно, недуг мисс Р. проявлялся не только в головных болях и бессоннице, но и в этом образе робкой дурочки, заслонявшем ее личность. Помню, я даже подумал, не скрывается ли под маской болезни веселая, жизнерадостная девушка. Не переставая удивляться ее умиротворенному лицу, которое впервые казалось мне красивым, я тихо спросил:

– Как вас зовут?

– Элизабет Р., – тотчас ответила она.

– Где вы живете?

Она назвала адрес.

– Кто я?

– Вы – доктор Райт.

– Вы меня боитесь, мисс Р.?

– Конечно, нет, – она слегка улыбнулась.

Я с радостью наблюдал, как разглаживаются беспокойные черты мисс Р., как становятся мягкими плотно сжатые губы, а из голоса исчезают резкие нотки. Мне больше не нужно было вытягивать из нее слова – она отвечала охотно, без колебаний, хотя прежде всегда запинаясь, говорила односложно и неуверенно. Я предвидел то, во что с самого начала не переставал верить: с неоценимой помощью раскрепощенного сознания мисс Р. мы легко и безболезненно избавим ее от нервного расстройства.

Мне не хотелось прерывать счастливый сон мисс Р., однако, помня о данном обещании, я сформировал в ее сознании установку (это называется постгипнотическим внушением – очень мощный прием): сегодня она будет спать крепко и без снов, а наутро проснется отдохнувшая (я решил, что сперва нужно справиться с бессонницей, – это придаст нам сил в борьбе с головными болями и болями в спине, которые, скорее всего, являлись следствием переутомления) – и разбудил. Она немедленно превратилась в прежнюю мисс Р., мрачную и молчаливую.

– Что я говорила? – первым делом спросила она, избегая смотреть мне в глаза.

Я молча протянул ей свои записи. Она скользнула по ним взглядом и сильно удивилась:

– И это все?

– Здесь каждое слово, – заверил я, хотя стоит ли говорить, что слова про крепкий сон я предусмотрительно записывать не стал.

– Почему вы спросили, боюсь ли я вас?

– Потому что врач в первую очередь обязан установить с пациентом доверительные отношения, – не растерялся я.

Вскоре мисс Р. ушла, пораженная невероятным целомудрием, которое я проявил, когда она находилась в моей власти (уверен, воображение рисовало ей страшные картины).

Задуманное мною лечение было весьма простым, так что даже далекий от психологии человек уяснил бы суть. Говоря обычным языком, намерения мои заключались в следующем: с помощью гипноза, под которым мисс Р., как я полагал, будет говорить и действовать куда свободнее, выяснить и устранить причину, побудившую бедняжку добровольно загнать себя в клетку нелюдимости и страха. Я нисколько не сомневался, что в какой-то момент, не сохранившийся в сознательной памяти мисс Р., она поставила на себе крест и надела маску дурочки, в которой прожила много лет. Я могу сравнить такое состояние (да простит мне читатель столь неблагородное сравнение) с засором канализации: мисс Р. ухитрилась засорить сточную трубу у себя в голове (боже милостивый, я угодил в ловушку, которую сам расставил своей метафорой!) каким-то эпизодом из жизни или болезненным опытом – он оказался слишком тяжелым, и сознание не справилось. С тех пор даже малейшая струйка настоящей личности мисс Р. не могла пробиться сквозь засор, и девушка остановилась в развитии. Передо мной стояла задача вернуться к засору и прочистить его. И хотя мне, человеку, который не любит замкнутых пространств, эта фигура речи в высшей степени неприятна, единственный способ устранить засор – самому залезть в трубу (с помощью гипноза, разумеется) и сразиться с ним, вооружившись здравым смыслом и проницательностью. Ну вот, с метафорой, к счастью, покончено, хотя я, если честно, думаю, что Теккерей мог бы мной гордиться – так упорно я ее развивал, – и потом

она, увы, и правда наглядно описывает диагноз, который я поставил мисс Р., и то, что мне предстояло сделать. Итак, добрый доктор Райт собирается с духом и мужественно лезет в сточную трубу (интересно, сравнивая разум бедной мисс Р. со сточной трубой, не уподобляюсь ли я вашим психоаналитикам, этим водопроводчикам, для которых все головы – выгребные ямы и все души черны?). Ох, мисс Элизабет Р., до чего вы довели вашего доктора!

Но шутки в сторону. Остается еще одна вещь, которую следует прояснить, чтобы в будущем не возникало вопросов. У меня давно вошло в привычку – как, полагаю, и у многих врачей, использующих в качестве метода лечения гипноз, – разделять бодрствующую личность и личность в состоянии гипнотического транса с помощью цифр. Бодрствующая мисс Р., какой я увидел ее в день знакомства, автоматически получила обозначение Р1, хотя цифра 1 еще не признак того, что я считаю эту личность здоровой или главной по отношению к другой личности. Р1 была первой в моих мыслях и записях. Мисс Р., возникшую во время гипнотического сеанса, я обозначил Р2. На бумаге я легко различал их слова, делая соответствующую пометку, и уже понимал, что ответы Р2 и ее личность в целом занимают меня гораздо больше.

И действительно, когда два дня спустя мисс Р. вошла в кабинет, я как будто увидел в ней черты Р2: походка стала легче, и, хотя на меня девушка по-прежнему не смотрела, кроме обычного хмурого приветствия, она произнесла: «Мне уже лучше» и, кажется, даже на мгновение просветлела.

Я воодушевился, как любой доктор, заметивший у пациента улучшения.

- Превосходно. Вы хорошо спали?
- Очень хорошо.
- Однако не стоит полагать...
- И поэтому гипноза больше не будет.

Мне ужасно захотелось сказать ей колкость, напомнить, что ее хорошее самочувствие без моей помощи может вдруг улетучиться и она снова впадет в глубокое уныние, из которого мы только начали выбираться, но я лишь мягко заметил:

– Ни лечение, ни даже постановка диагноза в вашем случае, дорогая мисс Р., невозможны без достаточных знаний. Едва ли вы

добровольно расскажете то, что мне нужно, а в состоянии гипноза будете отвечать честно и непринужденно.

Вспомни я в эту минуту ее требование относительно «неловких» вопросов, то, возможно, не был бы столь прямолинеен. Так или иначе, ничего не ответив, она с угрюмым видом опустилась в кресло. Я тотчас пожалел о своих резких словах и некоторое время молчал, не желая вымещать недовольство собой на мисс Р. Наконец, глубоко вздохнув, я улыбнулся про себя и честно сказал:

– Обычно я не сержусь на пациентов. Пожалуй, моя дорогая мисс Р., общение с вами пойдет мне на пользу.

Я, сам того не зная, нашел верный путь. Мисс Р. взглянула на меня и почти рассмеялась.

– Я больше не буду вас сердить, – пообещала она.

– А я думаю – будете, и, возможно, это даже неплохо для такого педанта, который привык воспринимать пациентов как арифметические задачи, а не как людей. Пожалуйста, только заметите, что я смотрю на вас как на задачу, – я мог бы сказать «засор» (о, проклятая метафора!), – немедленно пресекайте это – сердите меня. Я не поспею, моя дорогая.

Мы дружелюбно посмотрели друг на друга, словно мисс Р. уже была той, кем могла однажды стать, и я искренне убежден, что мой минутный гнев и последовавшее за ним неловкое извинение сблизили нас. Во всяком случае, когда я повторно задал вопрос о лечении, мисс Р. уже не была так категорична, и надо ли говорить, что мне удалось убедить ее снова подвергнуться гипнозу.

– Только никаких неловких вопросов, хорошо? – попросила она, заливаясь краской, будто стыдилась этой настойчивости и в то же время ничего не могла с ней поделать – так пациент снова и снова просит зубного врача удалить зуб без боли.

Поскольку я не имел ни малейшего представления, какой вопрос столь чувствительная натура может посчитать неловким, мне, как зубному, оставалось только согласиться и пообещать самому себе приложить все усилия, чтобы не нарушить данного слова. В то же время я предполагал, что у нас с мисс Р. могут быть совершенно разные понятия о неловких вопросах. Я бы назвал неловкими вопросы, подводящие нас к засору в трубе, а мисс Р., похоже, имела в виду то, что имела бы в виду любая неискушенная девица: вещи, которые

бедняжка стыдилась обсуждать со мной, какие-нибудь секреты, не обязательно те – и даже скорее всего не те, – что я искал. Наверняка любовные письма или что-то в этом духе, подумал я и твердо решил: сердечные дела мисс Р. меня не касаются.

Мисс Р. плавно погружалась в транс, а я ждал встречи с милой девушкой, что беседовала со мной в прошлый раз, и обрадовался, увидев ее лицо, как радуются хорошему знакомому. Я счел уместным и разумным сперва задать несколько вопросов, с которых начинал все гипнотические сеансы, устроить своего рода знакомство, и надеялся, что через некоторое время эти вопросы будут не только успокаивать мисс Р. в первые минуты, но и служить вспомогательным приемом при вводе в транс: если мисс Р. будет слышать привычные слова, то сможет глубже погрузиться в сон.

– Как вас зовут? – начал я.

– Элизабет Р.

Затем она снова назвала свой адрес и заверила, что не боится меня. Когда я спросил, помнит ли она, что говорила в прошлый раз, Р2 улыбнулась – да, помнит, она сказала, что не боится меня, она и сейчас не боится. Я считал совершенно необходимым делать акцент на доверии и старался словами и поведением подчеркнуть, что всецело сопереживаю мисс Р. Я часто ловил себя на мысли, что обращаюсь с ней по-отечески и разговариваю, как любящий родитель с ненаглядным ребенком.

Поскольку во второй раз мисс Р. не ограничила меня во времени, я подробно расспросил ее о болезни, которую она честно признала, и о повседневной жизни. Я, к примеру, намного больше узнал о работе мисс Р. в музее и о том, как они живут с тетей. Также, хотя я вовсе не настаивал, она поведала мне, что внушительное состояние, на которое они с тетей безбедно существовали, на самом деле предназначалось мисс Р. – покойный отец учредил в ее пользу траст, – а пока (не буду скрывать, это уже мои домыслы), ловко и предусмотрительно лавируя между адвокатами и банком, с должной заботой об интересах племянницы им распоряжается тетя. Я не силен в финансовых вопросах, а мисс Р. явно понимала в них еще меньше, но можно только восхищаться столь мудрым решением – оно уберегло мою пациентку от множества опасностей, которые грозят юной девушке, получившей огромное наследство, к тому же такой покорной и бездеятельной, как

мисс Р. Не считая вскользь упомянутой детали, которая подтолкнула ее к рассказу о наследстве, я задавал самые обычные вопросы, пытаюсь наладить общение с пациенткой и получить необходимые знания. И все шло как по маслу, пока я не спросил:

– Почему вы не сразу согласились на гипноз?

Девушка заломила руки и съежилась в кресле – это было так не похоже на Р2, что я вдруг ясно почувствовал: мы наконец приближаемся к сути. Минуту спустя, все еще заламывая руки, она заявила:

– Я не буду отвечать.

Она говорила резко и как будто через силу – у Р2 подобное наблюдалось впервые. Я улыбнулся про себя, предположив, что задал тот самый «неловкий» вопрос, и послушно сменил тему.

– Значит, вы хорошо спали?

– Очень хорошо. – Она расслабилась, лицо озарила улыбка. – Спасибо, что велели мне крепко спать. Я знаю, это вы придумали.

– Зачем вы так делаете руками?

Она опять сцепила пальцы в замок и все время тянула руки к лицу.

– Я хочу открыть глаза, но не могу.

– Я бы попросил вас этого не делать.

– Но я хочу их открыть, – капризничала Р2.

– Я прошу вас.

– Если я открою глаза, то смогу посмотреть на вас, дорогой доктор Райт.

– Вам незачем на меня смотреть, дорогая мисс Р., – вам достаточно меня слышать.

– Раз я не могу вас увидеть, то и слушать не буду – я так решила.

Больше я не добился ответа ни на один вопрос. Она сидела, поджав губы, нахмурившись и скрестив руки на груди. Убедившись, что продолжать бесполезно, я, как и в прошлый раз, сказал про крепкий сон и добавил, что ей следует лучше питаться, после чего без особого удовольствия разбудил пациентку. И снова мисс Р. хотела знать, что говорила под гипнозом, но на этот раз я не стал давать ей записи, а только сказал, что она разозлилась на меня и отказалась отвечать на вопросы.

– Поверить не могу! Что же вы теперь будете думать! – в неподдельном ужасе воскликнула она, а потом тихонько спросила: – Вы от меня откажетесь?

Я решил, что мисс Р. искренне сожалеет о своем поведении, и объяснил ей, что подобное упрямство не редкость, и даже пошутил – мол, в жизни она куда сговорчивее, чем во сне. Мисс Р. рассмеялась. Мы расстались добрыми друзьями, а когда она пришла на следующий день, то была необыкновенно весела и бодра, держалась непринужденно, как будто, увидев накануне мое раздражение, поняла, что я тоже человек, и прониклась ко мне доверием. Щеки девушки порозовели, она охотно говорила, я бы даже сказал, болтала. Она не только прекрасно спала две ночи подряд, но и стала (как я велел ей под гипнозом) лучше есть, а еще головная боль, которая беспокоила ее в течение нескольких лет, а в последние месяцы почти не прекращалась, вчера прошла и вернулась только сегодня утром, да и то ненадолго. Это во многом подтвердило мои предположения: головные боли и боли в спине – следствие бессонницы, и, как только сильнейшее переутомление мисс Р. пройдет, от них не останется следа. Однако я вовсе не хочу сказать, что трудности мисс Р. имели исключительно физиологическую природу и достаточно было постгипнотического внушения, чтобы девушка полностью выздоровела. Бессонницу с помощью одной-двух таблеток победил бы и Райан. Я же искренне полагал, что физические симптомы – это еще не сама болезнь и что причина, которую мы ищем, гораздо глубже, а лечение требует значительных усилий. Должен признаться, я считал, чем лучше будет физическое состояние мисс Р., тем больше она будет мне доверять и, следовательно, тем проще мне будет ее понять.

В этот раз она охотно согласилась на гипноз и без труда погрузилась в привычную дремоту. Я, как и прежде, начал с вопросов, кто она и где живет, – мисс Р. отвечала быстро, слегка улыбаясь, и мне радостно было видеть ее такой.

– Как вы решили сегодня – будете меня слушать?

– Конечно, – удивленным голосом ответила она.

– А вчера не стали.

– Я? Не может быть.

Я открыл вчерашние записи и прочел ее слова: раз она не может меня увидеть, то и слушать не будет. Пока я читал, она опять подняла

руки и принялась тереть лицо.

– Можно мне открыть глаза?

– Нет, я настаиваю. – Немного помолчав, я повторил вопрос: – Вы будете меня слушать с закрытыми глазами?

– Видимо, придется, – огрызнулась она. – Вы ведь не оставите меня в покое.

Я нахмурился, на мгновение сбитый с толку ее словами. То, что случилось потом, я до сих пор считаю самым сильным потрясением в своей жизни.

Я сидел, как обычно, на стуле рядом с креслом мисс Р., придвинув к себе небольшой столик, чтобы можно было делать записи. Мисс Р. лежала в кресле, откинув голову на подушку и положив ноги на скамеечку. Помню, я смотрел на девушку в полумраке комнаты и отчетливо видел бледное лицо на фоне темной обивки и лучик света, что упал на него, пробившись между задернутыми занавесками. Лицо было слегка повернуто ко мне, губы разомкнуты в полуулыбке, глаза, естественно, закрыты. Руки, по-прежнему сплетенные, лежали на груди – прямо Спящая красавица, по-детски залюбовался я, хотя теперь не понимаю, как она вообще могла показаться мне красивой. И вдруг на моих глазах нежная улыбка превратилась в ехидную ухмылку, веки задергались, пальцы судорожно сцепились, и моя пациентка, запрокинув голову, захохотала злобным, грубым хохотом. Когда вместо умиротворенного лица мисс Р. передо мной предстала эта дьявольская маска, я успел подумать только: это не может быть мисс Р., это не она...

Несколько секунд – и все закончилось. Хохот смолк, и девушка робко повернулась ко мне:

– Пожалуйста, можно я открою глаза?

Я тотчас разбудил ее и, потрясенный уродливым зрелищем, смог только попроситься. Думаю, она чувствовала мое недовольство, – повторяю, я был потрясен и даже сейчас, когда пишу эти строки, прихожу в ужас. Я увидел чудовищную ухмылку дьявольского отродья, и, да помогут мне небеса, с тех пор я видел ее тысячу раз.

Мне нездоровилось, и два следующих приема пришлось отменить, поэтому снова я увидел мисс Р. только через неделю. Я поприветствовал ее и даже не понял, а почувствовал, как много мы

упустили за это время: неуверенная походка, мрачный голос – передо мной опять была прежняя мисс Р. Я говорю «почувствовал», потому что, стоило мне взглянуть на нее, перед глазами тотчас возникла дьявольская ухмылка, и теперь уже я, как прежде мисс Р., смотрел на ножку стола, ковер, какие угодно предметы – лишь бы не видеть ее лица. Она же не находила себе места, призналась, что опять страдает от головной боли. Мне стоило огромных усилий погрузить девушку в транс, возможно, из-за собственного страха вновь услышать издевательский хохот. Встреча получилась короткой: я только сделал ей обычные постгипнотические внушения и тут же разбудил. Я еще не до конца восстановился после болезни и не мог работать в полную силу.

В следующий раз мы добились бóльших успехов. Я наконец избавился от навязчивого беспокойства, которое во мне поселила болезнь, и был готов к встрече с мисс Р., какое бы обличие она ни приняла под гипнозом. Кто растревожил демонов, тому с ними и бороться. Впрочем, все прошло достаточно гладко: мисс Р. почти сразу погрузилась в сон, и мы с Р2 возобновили беседу о ее тете, о доме и о работе в музее. Пару раз она жалобно просила разрешения открыть глаза, но я был непреклонен, и просьбы прекратились. Когда сеанс закончился, несмотря на некоторую напряженность между нами, о причине коей бедняжка, боюсь, даже не подозревала, в ее прощальных словах я уловил прежние дружелюбные нотки. *Р2 необыкновенно мила* – записал я в тот день. На ней было голубое платье, которого я раньше не видел, слишком светлое для мисс Р.

Однако мы, похоже, не могли сделать шаг вперед без шага назад. Всякий раз, когда я находил повод поздравить себя с наметившимся улучшением, у меня тут же появлялся повод для отчаяния. Стоило мне отметить перемены в поведении Р2, на следующий прием мисс Р. пришла в таком состоянии, что я не услышал от нее ни единого слова, не говоря уже об ответах на вопросы. О гипнозе не могло быть и речи, а отпустить пациентку в слезах я бы себе не позволил. Пришлось дать ей успокоительное. Оставив мисс Р. лежать в кресле, я занялся своими делами. Спустя некоторое время, когда нервное возбуждение спало, я повернулся к ней и ласково спросил:

– Что вас так расстроило, дорогая мисс Р.?

Утирая платком вновь набежавшие слезы, она протянула мне письмо. Я взял его, растерянный не меньше мисс Р.

– Мне прочесть?

Она кивнула.

Я пошел к столу за очками, поднес письмо к свету и начал читать вполголоса:

«Уважаемый мистер Олтроп!

Несмотря на то, что ваша коллекция спичечных коробков представляет большой интерес, Музей искусства и естественных наук Оуэнстауна – некоммерческая организация, которая финансируется за счет пожертвований и имеет право принимать экспонаты только безвозмездно. В этой связи с сожалением вынуждена сообщить, что ты глупая глупая дурочка и пожалеешь когда я тебя поймаю...»

– И правда, – сказал я, – очень странно.

Письмо было напечатано на машинке – до строчки, которая начиналась словами *ты глупая глупая*. Остальное приписали карандашом, жирно, некрасивым почерком с разбегающимися буквами.

– Очень странно, – повторил я.

– Я напечатала его утром, – заговорила мисс Р. – Оставила на столе, чтобы закончить после обеда, а когда вернулась, увидела это и...

– Тише, мисс Р., прошу вас, успокойтесь.

– Я не хочу, чтобы он получил это письмо. Мистер Олтроп.

– Разумеется. Так вы говорите, что обнаружили письмо, когда вернулись с обеда?

– Оно лежало на том же месте.

– Прошу прощения, дорогая мисс Р., но, возможно, кто-то из коллег хочет вам навредить? Выставить в невыгодном свете перед начальством?

– Не думаю. Я не знаю, кто мог такое сделать. Большинству из них все равно, работаю я или нет.

– Ясно.

Мне очень хотелось поговорить с дружелюбной Р2, чтобы она подтвердила мнение Р1 о ее коллегах, однако для общения с Р2 сейчас явно было неподходящее время, и мне пришлось довольствоваться тем, что могла рассказать Р1. Я подробно расспросил девушку: какой у нее кабинет, заходят ли туда другие сотрудники, во сколько она выходила на обед, даже кто такой мистер Олтроп, которому она писала. О мистере Олтропе она знала только то, что ей поручили ответить на его письмо стандартным отказом, и то, что теперь ответ придется перепечатать. Последнее, даже с учетом любви мисс Р. к порядку, явно не стоило таких переживаний. Она повторяла, что мистер Олтроп не должен получить это письмо, хотела – я никогда не наблюдал у Р1 столько решимости – забрать его с собой и спрятать, ведь если ошибку никто не видел, о ней никто и не вспомнит. Я улыбнулся ее детской логике, хотя согласился, что письмо следует переделать, и предложил вместе подумать, как объяснить задержку начальству.

Когда мисс Р. успокоилась, я отправил ее домой. После происшествия в музее я не мог применять гипноз и решил, что при первой же возможности расспрошу Р2, – может, ее ответы прольют свет на эту странную историю. Возможность представилась уже в следующий раз. Увидев мисс Р. в ее первоначальном состоянии, я рискнул предложить гипноз, и она с мрачным видом согласилась, хотя я – в отличие, полагаю, от мисс Р. – уже знал, что ее согласие не обязательно. Я мог погрузить ее в транс когда хотел, и без веской причины она не могла, как прежде, сопротивляться лечению. Очень скоро передо мной предстала Р2, и я был крайне рад нашей встрече. С поистине торжествующим видом я спросил, как ее зовут и где она живет, и Р2 приветствовала меня, не менее воодушевленная. Когда я общался с Р2, меня всякий раз охватывало сожаление: чудесная девушка, которой мисс Р. могла бы быть все это время, спрятана от мира, забыта. Думаю, во многом из-за нее я так хотел помочь своей пациентке. Наверное, представлял (что совсем на меня не похоже), будто спасаю из заточения прекрасную принцессу.

Так или иначе, меня ждало сильное разочарование: Р2, на которую я так надеялся, не знала об уродливой приписке к письму мисс Р. и ничем не могла мне помочь. Только предположила, что мисс Р. не

угодила кому-то из коллег своим безобидным нравом и этот человек решил сделать ей подлость.

– Не каждому повезло, как мне, – сказала Р2 своим нежным голосом. – Ко мне все очень добры, – пояснила она с улыбкой.

Однако версия Р2 показалась мне неправдоподобной. Мысль о том, что у мисс Р. есть враги, не укладывалась в голове, как и мысль о том, что у нее есть друзья. Иных догадок у Р2 не было, и тогда я решился прибегнуть к методу, который прежде считал излишним, – глубокому гипнозу. С его помощью я надеялся обнаружить то, о чем не знали ни я, ни Р2.

Ответы на многие вопросы скрывались где-то глубоко в подсознании мисс Р., и я был убежден, что добраться до них можно только проникнув в это подсознание. Поэтому я погрузил мою милую Р2 в глубокий сон и с ужасом наблюдал, как сквозь мягкие черты проступает жуткая гримаса, которая так прочно отпечаталась в моей памяти и вызывала неподдельный, животный ужас. Сначала девушка принялась заламывать руки, затем лицо ее исказилось – я разрывался между желанием разбудить Р2 и необходимостью выманить наружу овладевшего ей демона, – рот скривился в уже знакомой мне злобной ухмылке, руки потянулись к глазам, которые ей так хотелось открыть.

Стало быть, Асмодей^[3], сказал я про себя, а вслух сдержанно добавил:

– Я прошу вас не открывать глаза.

– Что? – почти закричала она (никогда в жизни я не слышал такого грубого голоса). – Ты опять мне указываешь, мерзавец? Знай, скоро я тебя сожру! – И она снова захохотала.

Потрясенный, я попробовал успокоить пациентку с помощью привычных вопросов.

– Как вас зовут? – спросил я самым спокойным тоном, на какой только был способен.

Она мгновенно перестала смеяться и кротко (о, коварная маска на лице Р2!) ответила:

– Я Элизабет Р., дорогой доктор, честное слово. Вы не подумайте, дорогой доктор, я иногда бываю груба, но я вас очень, очень уважаю, честное слово, дорогой доктор, очень уважаю.

Это заверение, в котором слышались отголосок чудовищного хохота и возмутительная насмешка, произнесенное, однако, девушкой

с выражением лица и голосом Р2, оборвало меня на полуслове, и, пока я собирался с мыслями, она заговорила опять:

– А Элизабет попросит прощения за грубость, дорогой доктор, правда-правда – я сама ее заставляю.

– Не сомневаюсь, – раздраженно бросил я. – А теперь, мисс Р., давайте вернемся к вопросам. Я бы хотел, чтобы вы подробнее рассказали о неприятном письме, которое...

Она снова захохотала, и, не желая привлекать внимание медсестры в соседней комнате, я попытался утихомирить мисс Р. – понизил голос, чтобы ей нужно было прислушиваться.

– Вы что-нибудь знаете о письме? – спросил я.

– Я знаю все, мой друг.

– Так расскажите.

– Я расскажу, только если... – Она мучительно выдавливала из себя фразу. – ... Только если разрешишь открыть глаза, – наконец произнесла она и расхохоталась.

Как бы я ни хотел услышать про письмо, эта грубиянка мне порядком надоела.

– Вы не откроете глаза, – отрезал я. – И если знаете о письме, рассказывайте. Итак, вы его напечатали и...

– Я? Я не умею печатать.

– Письмо однозначно напечатано на машинке.

– Это она напечатала, точно. Ты ведь не думаешь, что я стану делать ее работу?

– Она? – в недоумении переспросил я.

– Элизабет! – выкрикнула моя пациентка – Твоя ненаглядная мисс Р., дурочка Лиззи, простофиля Лиззи. – И она скривилась, изображая мисс Р. с ее отсутствующим взглядом. (И да простит меня читатель, но при всем ужасе, что я испытывал, мне вдруг захотелось рассмеяться. Издевательство над Р2 меня бы задело, а вот Р1 не вызывала у меня ни малейшей симпатии.)

– Тогда кто же вы?

– Я – это я, дорогой доктор, и ты скоро в этом убедишься. А сам ты, по-твоему, кто?

– Я доктор Райт, – сдавленно произнес я.

– А вот и нет! – Она помотала головой и ухмыльнулась сквозь пальцы. – Я думаю, ты самозванец. Ты – доктор Ронг^[4]. – Ухмылка

перешла в хохот. – И вопросы у тебя и правда ужасно неловкие.

– Если не успокоитесь, – пригрозил я, – я вас разбужу.

Я сказал это наугад и, более того, и правда мечтал поскорее завершить сеанс, однако мои слова неожиданно подействовали: она сразу затихла и откинулась на спинку кресла.

– Можно мне открыть глаза? – робко попросила мисс Р.

– Нет.

– Я должна открыть глаза.

– Нет, не должны.

– Однажды, – прошипела она и принялась тереть глаза, – я сделаю так, что мне больше не придется закрывать глаза. И тогда я сожру вас обоих – тебя и Лиззи. – Она помолчала, о чем-то размышляя, а потом тихо добавила: – Доктор Ронг. И дурочка Лиззи.

– Почему вы хотите навредить Элизабет?

Она долго не отвечала, пока наконец я не услышал полный ненависти голос:

– Ее ведь здесь нет?

Я был совершенно обескуражен этим новым поворотом. Намеченный ранее путь представлялся таким простым, мне казалось, нужны только время и терпение – и лечение принесет плоды, мисс Р. снова будет здорова и полна сил. Теперь же, бормоча что-то бессвязное, гримасничая и сквернословя, дорогу нам преградил злой демон, и пока я не понимал, как нам преодолеть сие препятствие. Любопытная все-таки штука – человеческий разум. Я был скорее зол, чем напуган, как рыцарь (уже немолодой, утомленный выпавшими на его долю испытаниями), который везет домой спасенную принцессу и, столкнувшись у самых стен замка с очередным драконом, уже не чувствует страха, а только невероятную усталость.

Лечение шло несколько месяцев, и я начал понимать, что нам потребуется больше времени, чем я предполагал. Значительные улучшения в физическом плане, которым так радовалась мисс Р., были, пожалуй, нашим единственным достижением, а вот ответа на главный вопрос мы по-прежнему не находили. Как любому врачу, мне хорошо известно, что диагноз «одержимость дьяволом» в наше время уже не ставят. Само собой, мисс Р. и ее тетя – еще один дракон, с которым мне предстояло встретиться лицом к лицу, – пребывали в неведении

относительно открывшихся мне подробностей. Они знали только об улучшениях, которые могли заметить, и, видимо, думали, что несравненный доктор Райт являет им чудеса исцеления. Я же считал неразумным сообщать мисс Р. о каких-либо подвижках или их отсутствии, боясь ее растрогать и свести на нет достигнутый результат. Мисс Р. не подозревала о случившемся, так как большую часть нашего общения находилась в состоянии транса, а тете просто никто ничего не говорил. Райану я звонил один раз – коротко изложил свои умозаключения о случае мисс Р. и описал метод лечения, – и, поскольку он человек занятой (так часто бывает с вашими веселыми, общительными врачами, независимо от их профессиональных успехов), решил, что на этом моя совесть перед ним чиста.

Итак, я с сожалением добавил к своим обозначениям еще одно – РЗ – для злобной, враждебно настроенной личности. Возможно, я был сбит с толку цифрами, возможно, слишком уверовал в то, что мы избавимся от оков прошлого и вернем к жизни Р2, возможно, редкость случая и кошмарные проявления болезни притупили мою обычную проницательность – так или иначе, прошло немало времени, прежде чем в один прекрасный вечер, уютно устроившись у камина и уже начиная дремать над книгой, я вдруг осознал то, что должен был увидеть сразу, и наконец поставил мисс Р. верный диагноз.

Пожалуй, одержимость дьяволом лучше всего подходит для того, чтобы описать болезнь мисс Р. человеку непосвященному, и в глубине души я подозреваю, что эти состояния схожи. В моей памяти отпечатались слова Теккеря, которые я, должно быть, читал в тот вечер перед тем, как задремать: «И поскольку все присутствующие, я уверен, более чем серьезно относятся к своему прошлому и настоящему...»^[5]. Я очнулся и вспомнил дьявольское лицо мисс Р.

Но позвольте мне обратиться к авторитету в данной области, чьи объяснения куда внятнее моих и вселяют надежду, что есть метод лечения более научный (и более действенный), нежели экзорцизм. «Подобные случаи известны как двойственная или множественная личность (в зависимости от числа личностей), хотя более точный термин – расщепление личности, поскольку новые личности являются частями одного целого. Ни одна из новых личностей не проживает полноценную жизнь индивида. Изначально целостное сознание как бы разбивается, лишаясь части воспоминаний, переживаний, навыков,

особенностей поведения. Оставшиеся аспекты сознания, соединяясь между собой, образуют новую личность, способную существовать самостоятельно. Эта новая личность может периодически сменять изначальную, нерасщепленную личность. Изначальная личность в различные моменты может расщепляться по-разному, образуя несколько новых личностей, которые также могут сменять друг друга» (Мортон Принс. Диссоциация личности. 1905).

Я уже познакомился с тремя личностями мисс Р. Р1 – нервная, страдавшая от постоянной боли, охваченная страхом и стыдом, стеснительная, нелюдимая и до того зажатая, что иной раз даже слова давались ей с трудом. Р2 – предположительно, та, кем когда-то была мисс Р., открытая, честная, рассудительная, с приятной внешностью, лишенной беспокойных черт, которые делали непривлекательным лицо Р1. Р2 не страдала от боли и могла только сопереживать несчастной Р1. Р3 – мстительный антипод Р2. Р2 – спокойная, Р3 – взбалмошная; Р2 – искренняя, Р3 – наглая; Р2 – миловидная и обходительная, Р3 – вульгарная и крикливая. К тому же каждую из трех я легко узнавал по внешнему виду: робкая, неуверенная в себе, угловатая и оттого некрасивая – Р1; дружелюбная и обаятельная – Р2; с грубыми, искаженными чертами – Р3. Р1 улыбалась застенчиво, чуть заметно, Р2 – открыто и радостно, Р3 же хитро ухмылялась или хохотала. Я не питал особой приязни к моей новой знакомой Р3, и на то, как читатель мог заметить, у меня были веские причины: когда моя милая Р2 начала заламывать руки и тереть глаза, когда ее голос стал громче, а черты лица – подвижнее, когда она насмешливо вскинула брови и скривила рот, мне поневоле пришлось иметь дело с созданием, которое не чувствовало и не выказывало по отношению ко мне ни малейшего уважения и старалось свести на нет мои усилия, которому доставляло удовольствие дразнить всех вокруг, которое не ведало ни нравственных чувств, ни каких-либо ограничений (кроме обусловленных плохим зрением) и периодически обзывало меня старым дураком!

Мне казалось, что ближе всего мы подобрались к Р3, когда обсуждали испорченное письмо, и, возможно, именно эта мысль, подкрепленная моими случайными соображениями, навела нас на ее след. Глядя на письмо, которое дала мне мисс Р., я подумал с раздражением: у меня с закрытыми глазами и то получилось бы лучше – и, как позже выяснилось, нащупал верный путь. Во время разговора

о письме с Р2, казавшегося мне бессмысленной затеей, я положил девушке под руку бумагу и карандаш и попросил написать под диктовку несколько слов, чтобы посмотреть на ее почерк. Вскинув руки к лицу, она закричала: «Я не могу, не могу, я должна открыть глаза!» и проснулась, хотя никогда прежде не делала этого по собственной воле. Возможно, она заставила себя проснуться из-за того, что Р3 просилась наружу. Мисс Р., когда я в следующий раз спросил о письме, расплакалась и отказалась говорить, сославшись на головную боль.

Набравшись духу, я решил вызвать на разговор Р3. Разговор этот был мне заведомо неприятен, однако я чувствовал, что он может многое прояснить. После нашей прошлой встречи я почти не видел Р3, не считая какого-нибудь движения или ухмылки, мелькавших в разговоре с Р2, отголосков издевательского смеха в ее радостном голосе и, конечно, заламывания рук с просьбами позволить ей открыть глаза. Для появления Р3, как я теперь знал, достаточно было погрузить мисс Р. в глубокий гипнотический сон – в лице и голосе Р2 тут же начинали проступать характерные черты.

– Ну, вот мы и встретились снова, доктор Ронг, – начала Р3 тоном, вполне оправдывавшим сравнение с дьяволом. – А я думала, на сколько же тебя хватит.

– Я полагаю, мисс Р., вы можете рассказать мне кое-что важное.

– Ты ничего не получишь, – отрезала она, – если будешь называть меня этим мерзким именем. Я такая же мисс Р., как ты. Я просто живу внутри нее.

Она бросила на меня отвратительный, полный ехидства взгляд и сказала еще кое-что, до того гадкое, что я не просто опустил эти слова в своих записях, но и изо всех сил постарался стереть их из памяти, как и все подобные комментарии Р3. Повисла пауза. Р3 обладала неприятной способностью сбивать меня с толку в самый неподходящий момент, и, пока я собирался с мыслями, она творила, что хотела.

Вот и сейчас я сидел, ошеломленный ее выходкой, а Р3 продолжала:

– Элизабет, Бет, Бетси и Бесс за птичьим гнездом отправились в лес... Может быть, симпатяга доктор, ты дашь нам новые имена? Мы ведь не первые, кому ты помог появиться на свет.

И она разразилась своим диким хохотом. Мисс Хартли, моя медсестра, уже привыкла к громким звукам, то и дело доносившимся из моего кабинета, и все же я не хотел, чтобы она решила, будто надо мной насмехается (хохот РЗ не был похож на истерический) собственная пациентка. Зная, что успокоить ее можно только чем-то заинтересовав или напугав, я тихо сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Абулия – состояние, которое для читателей, не сведущих в психологии, я бы в двух словах описал как паралич воли, не позволяющий совершить желаемое действие. У мисс Р. абулия в основном проявлялась в речи: каждый слог как будто давался ей с трудом. (Примеч. автора).

Разумеется, из соображений конфиденциальности я не называю девушку полным именем. (*Примеч. автора*).

Асмодей – демон похоти и разврата. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. переводчика.

Игра слов: в английском языке фамилия доктора Wright омонимична прилагательному right (правильный, верный). Главная героиня меняет ее на Wrong (неправильный, ошибочный).

Из цикла лекций У. М. Текерея «Английские юмористы XVIII века».